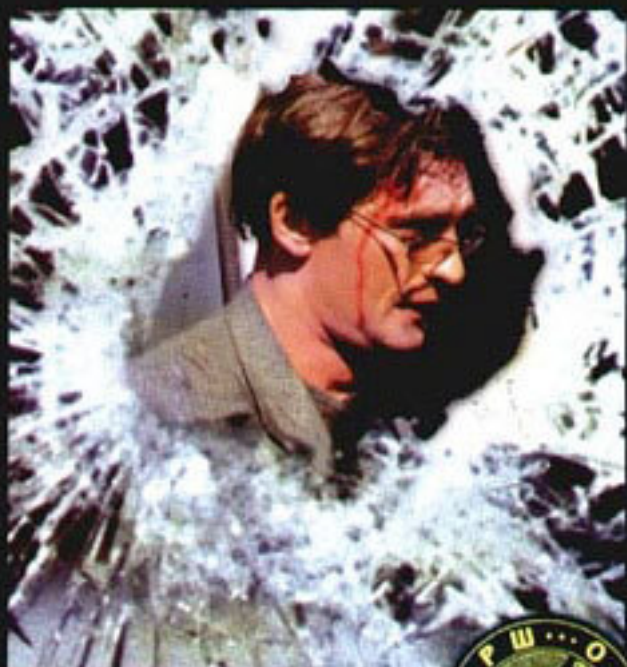


Фридрих НЕЗНАНСКИЙ



«Крыша» для Насти

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
«Крыша» для Насти

«Автор»

2006

Незнанский Ф. Е.

«Крыша» для Насти / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
2006 — (Марш Турецкого)

В Москве одно за другим происходят убийства двоих бывших генералов ФСБ. Причем в первом случае была еще и тяжело ранена молодая жена отставного генерала. Расследование «громких» убийств поручается помощнику Генерального прокурора Александру Турецкому. Но во время следствия происходит неудачное покушение на третьего генерала, соратника уже погибших. Долгое и трудное расследование «возвращает» следователя и его коллег в недавние годы, когда генералы занимали высшие посты в государстве и имели отношение к созданию спецподразделений для выполнения особых заданий...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава первая

День охоты

1

Он мог сказать о себе с уверенностью, что жизнь, несмотря на некоторые ее «сюрпризы» и «закавыки», в принципе удалась.

А каких, собственно, благ, кроме уже имеющихся, ему не хватало? Воспитанный советской системой и достигший за годы своей службы высокого государственного поста – перед вынужденным уходом на пенсию он занимал кресло, ни много ни мало, начальника Управления Федеральной службы безопасности по Москве и Московской области и имел звание генерал-полковника. Но в тот момент, когда возникла, едва ли не впервые в жизни, обида за несправедливость, которую вдруг проявил по отношению к нему, верному своему последователю и помощнику, первый так называемый президент России, склонный, как известно, к сумасбродным эскападам, выручили друзья-товарищи. Помогли устроиться, а в сущности, фактически назначили его начальником службы безопасности финансовой группы «Анализ». И учредители «Анализа», прекрасно знавшие, с кем они имеют дело, не могли не согласиться с таким «назначением».

Долг, как говорится, платежом красен, и Виктор Альбертович Порубов, как никто другой, прекрасно понимал это, не забывая своих друзей – также оставивших свои посты и вышедших по капризу непредсказуемого патрона на пенсию – бывшего директора ФСБ Романа Николаевича Воронова и бывшего теперь начальника Службы безопасности президента Николая Алексеевича Короткова.

Ну Воронову-то особой помощи со стороны бывшего подчиненного и не требовалось. Рома, как по-старому называл его Порубов, председательствовал в Межстратегбанке, связанном с многомиллиардными делами Министерства обороны. А перешедший уже свой семидесятилетний рубеж Николай Алексеевич пописывал себе мемуары, довольствуясь теми средствами, которые накопил, будучи рядом с высшей властью. Иногда они встречались накоротке, вспоминали прошлое, поругивали бывшего шефа и продолжали заниматься – каждый своим делом, в меру способностей и требований времени.

Семейная жизнь тоже, в общем, удалась. Виктор Альбертович был женат. От жены – Татьяны Григорьевны – имел двоих взрослых детей: сына Юрия двадцати девяти лет и девятнадцатилетнюю дочь Светлану. Но после неожиданного для себя выхода на пенсию, когда перемены коснулись буквально всех сторон его жизни, казавшихся до того незыблемыми, словно чертик из коробочки, будто бес в ребро – и откуда она только взялась? – вспыхнула в сердце стареющего мужчины, но еще крепкого – ух ты! – любовь к совсем молодой женщине. Ей тогда было всего двадцать пять лет, и она была больше чем вдвое моложе своего любовника. Начальства, которое бдело бы за его нравственными устоями, над ним уже не было, а возмущенной жене Виктор Альбертович резонно отвечал, что бросать семью не намерен, будет помогать, как всегда помогал, но и без этой молодой красавицы, с которой его свела судьба еще в те годы, когда он был в Москве всемогущим начальником, он тоже жить не может. Ко всему прочему, Настя – так ее звали – была уже беременна от него. И потому даже обычная человеческая порядочность не могла позволить ему разорвать с ней отношения. Но ведь он любил ее! Страсть была, причем самая настоящая, искренняя, какая может возникнуть вдруг у человека, влюбившегося в последний раз в жизни. И с Настей он ощущал себя еще вполне молодым, точнее, совсем еще не старым и способным на многое. А она, как женщина умная, охотно поощряла

в нем его самолюбие, не претендуя на официальные брачные отношения. Ей достаточно было считаться его так называемой гражданской женой.

Шесть лет длились их отношения, которые он называл истинно семейными, и в их общем ребенке, пятилетней дочке Настеньке, названной так в честь ее горячо любимой мамочки, бывший генерал-полковник души не чаял. Жили они в купленной им для Насти квартире, в новом доме на Оранжевой улице, куда, собственно, и рулил в настоящий момент Виктор Альбертович на своем громадном джипе «гранд-чероки».

Район, где обитал теперь Порубов со своей молодой семьей, был новым, из недавно присоединенных к городской территории, и находился за пределами Московской кольцевой автодороги, в красивой лесной зоне. Оттого и планировка здесь была куда свободнее, чем в старой и тесно застроенной столице. Широкая подъездная дорога вела к трем высоткам, между которыми, вокруг небольшого пруда, зеленел сквер, сохраненный во время строительства, ближе к домам размещалась детская площадка и даже оставалась заасфальтированная территория для парковки автомобилей. Последнее обстоятельство было немаловажным, поскольку в домах, явно претендующих на «элитные», проживала публика далеко не бедная, следовательно, и автомобили здесь имелись фактически в каждой семье, а в некоторых и по два, и по три. Но Виктор Альбертович, еще когда только въезжал сюда, сразу «застолбил» себе место напротив подъезда и ставил свой джип только здесь. Все знали, что это место занимает генерал, и даже когда джип отсутствовал, а кто-то посторонний, полагая стоянку свободной, заезжал сюда, то сторожа, следившие за порядком во дворе и на автостоянке, немедленно прогоняли самозванца. Таков был по-своему незыблемый порядок, и Виктор Альбертович всегда четко следовал ему, приучив и всех окружающих.

Вот и сегодня произошло пусть и не особо значительное, но тем не менее знаменательное событие, которое лишний раз как бы подтвердило внутреннюю правоту отставного генерала Порубова.

Недавно Настина младшая сестра Татьяна родила сына. А ведь, между прочим, свадьбу свояченице устроил именно он, Виктор Альбертович. По просьбе Насти, естественно. И расходы оплатил, а как же иначе? И с жильем помог молодоженам. Отчего же не сделать людям добра, к тому же близким, да еще если у тебя есть на то любые возможности? Не был ни скупердеем, ни жмотом Виктор Альбертович и даже гордился тем, что, делая добро, не ждет ни от кого в ответ благодарности. А может, просто чувствительным становился с возрастом бывший генерал Федеральной службы безопасности. И таким вот образом он как бы расплачивался за грехи прежних лет, коих наверняка накопилось немало.

Во всяком случае, в данный момент Порубов чувствовал себя превосходно. Он был, разумеется, очень польщен, когда узнал сегодня в церкви, где крестили малыша, что того назвали в его честь – Виктором. Вроде и пустячок, а какая приятная неожиданность! Но другая, мелкая мыслишка вдруг подсказала, что не зря, поди, Настя с Татьяной так решили, а Петька, Танин молодой супруг, не возражал. Наверняка намекнули этим самым актом, что, мол, никуда ты теперь не денешься, Виктор Альбертович, будешь вынужден всю жизнь помогать своему крестнику, иначе какой же ты после этого христианин? И смех, и грех...

Тем не менее, возвращаясь с крестин, был Порубов в отличном настроении. Рядом с ним, справа, сидела Настя, невероятно соблазнительная в шикарном вечернем платье от Версачче, с обнаженной коленкой, от одного вида которой Виктор Альбертович, бывало, сходил с ума. Настя молчала, утомленная долгой процедурой в церкви, а потом уже дома у Тани, в застолье, где, вопреки логике, она с мужем оказалась в центре внимания, а это чрезвычайно утомительно.

На заднем сиденье «щебетала» пятилетняя Настена, для которой сегодняшнее событие было, несомненно, особенным: церковь, золото вокруг, громкое пение. Масса праздничного народа. И она задавала свойственные ее возрасту бесконечные вопросы, а усталая мать лениво

отвечала. И отец за рулем улыбался, тоже чувствуя некоторое утомление, но также и все возрастающее желание поскорее войти в дом, уложить дочку спать, а самому сжать наконец в объятиях жену, на зрелую красоту которой сегодня буквально все мужчины – что в церкви, что в застолье – так и пилили глаза. А у Виктора Альбертовича все эти взгляды вызывали не столько даже и удовольствие оттого, что он один обладает этой красотой, когда захочет, сколько не к месту вспыхивающая ревность. Вот разве что лишь это ревнивое чувство и портило слегка настроение. Ведь все-таки что ни говори, а он более чем вдвое старше супруги.

Ну стариком-то он себя не считал, да и ее, как видел, вполне устраивал, но покалывала все та же подленькая мыслишка: а вполне ли? Действительно ли оно так, или ее эмоции – умная и умелая игра? Успокаивало то, что Настя ни разу за все шесть лет, что они вместе, сама не подала ему повода для серьезной ревности. А ведь Виктору Альбертовичу не раз, бывало, приходило на память, что в свое время увел-то он Настю от молодого и, возможно, перспективного парня. Увел жестко и целенаправленно, в буквальном смысле вскружив ей голову своими возможностями, своим азартом, щедростью и почти юношеской пылкостью, посулив действительно «золотые горы». И ни в чем не разочаровал молодую женщину за шесть прошедших лет. Уж это он мог бы с полным правом поставить себе в заслугу. Ну а что мог бы дать тот, хотелось бы верить, без сожаления оставленный ею парень? Поди, так и не добился ничего в жизни. Ишь как она людей-то ломает... Да черт его знает! Все реже вспоминал о неудачнике отставной генерал.

Уже вечерело, теплые апрельские сумерки опускались во двор, на верхних этажах вышек зажигались огни. Фонари во дворе еще не горели.

– Устала? – спросил он с улыбкой, заруливая по малой дорожке к своему подъезду.

– Есть немного... – Настя вдруг потянулась, вскинув руки, и зевнула, и тело ее напряглось до такой степени, что Порубов едва не бросил руль, чтобы схватить ее и сжать до стога, до крика, каким кончались у них не раз внезапные вспышки страсти. – Следи за дорогой, мой генерал, – слегка охладила она его томным, мурлыкающим голосом и, положив обнаженную руку на его плечо, потянулась губами к его щеке.

Поцелуй был быстрым и горячим, словно выстрел, произведенный украдкой от ребенка, который без устали вертелся сзади.

«Я – ревнивый дурак», – сказал себе Виктор Альбертович и облегченно вздохнул.

Но в следующий момент в нем снова всколыхнулось раздражение, причем с неожиданной для него самой силой.

На его законном месте, напротив подъезда, какой-то наглец поставил свой серый, невзрачный и словно забрызганный засохшей грязью «жигуленок», хотя дождей не было уже больше недели.

Порубов рывком распахнул дверь. Настя крикнула:

– Витя! Не надо! Давай поставим в другое место! – Уж она-то знала, как может сложиться ситуация, когда Виктор злился.

Но Порубов резко отмахнулся от нее, как от нелепой помехи, захлопнул дверь и решительным шагом направился к «нарушителю», чтобы... А собственно, чтобы что? Наорать на него? Но это если бы хозяин находился в машине, а вообще-то на кого орать? На сторожей, которые издали, из своей будки, могли вполне и не углядеть самозванца в наступающей темноте?

Однако хозяин оказался в машине. И едва Порубов с остро вспыхнувшей досадой хлопнул дверцей своего джипа, как открылась правая дверь серых «Жигулей», и оттуда, согнувшись, выбрался человек в сером плаще, оказавшийся довольно высокого роста. Еще у него была бейсболка, низко надвинутая на самые глаза, и белые кроссовки большого размера.

Об этом позже расскажут мальчишки, ставшие случайными свидетелями. И, кстати, по существу, единственными...

– Эй, вы, послушайте! – грозно закричал Порубов, не сбавляя шага.

– Генерал... – послышался в ответ насмешливый голос высокого человека.

И тут же грянули выстрелы.

Грузный Порубов вздрогнул – раз, другой, снова и снова – и, когда стрельба закончилась так же быстро, как и началась, рухнул тяжелым своим телом на асфальт головой вперед, как шел. С истошным криком выскочила из джипа Настя и кинулась к упавшему мужу. Но не успела, не добежала. Снова раздалась очередь выстрелов, как если бы стрелок бил от живота из автомата, и Настя тоже упала на асфальт.

В этот момент «Жигули» резво взяли с места и, заехав правыми колесами на тротуар, обогнули упавших на дороге. Стрелок, сунув обе руки в карманы, быстрым шагом нагнал «Жигули», рывком распахнул дверцу и втиснулся в салон, после чего остановившаяся на миг машина резко набрала скорость и исчезла из вида, свернув за дом.

А к расстрелянным уже бежали люди. От автостоянки, от детской площадки, где еще возилась малышня.

Люди бежали быстро, но подходили к лежащим телам с опаской, будто с ними могло случиться еще что-то ужасное. Из-под тела Порубова натекла большая темная лужа крови. Подбежавший одним из первых сторож дядя Боря, в прошлом – спецназовец, воевавший в Афганистане, присел возле генерала, пощупал у него пульс на шее, отрицательно покачал головой и поднялся.

– Этот готов, – сказал он, опускаясь на колени перед Настей, лежавшей навзничь с раскинутыми в стороны белыми руками. Лицо ее, грудь и правая рука были в крови. – Жива! – вдруг закричал дядя Боря. – Срочно вызывайте «скорую» и милицию!

У кого-то нашелся при себе мобильник, позвонили в «ноль два» и сообщили об убийстве на Оранжевой улице, сказали, что одна жертва еще, кажется, дышит, но без сознания. И когда минут пятнадцать спустя с громким воем сирен подъехали почти одновременно машины из милиции и «скорая помощь», возле тел, лежащих на асфальте, – дядя Боря, как человек, видно, опытный в подобных делах, приказал руками ничего не трогать – осталось лишь несколько человек. Остальные разошлись от греха подальше, а то сейчас начнется – давай показания, да что ты видел, да что слышал? А кому охота весь оставшийся воскресный вечер терять так бездарно? О раненой сами врачи и позаботятся, если ей это поможет, а покойному не поможет уже никто и ничто.

И как-то никто не поинтересовался, не обеспокоился сразу тем, что в машине с затемненными стеклами и за закрытыми дверями плакал ребенок, маленькая девочка, которая ничего не понимала и звала маму, а та не шла к ней. О ней позаботились уже приехавшие оперативники.

2

Полковник Мясищев, ответственный дежурный УВД Юго-Западного округа Москвы, принял сообщение об убийстве генерал-полковника в отставке Порубова в восемь тридцать пять вечера. Ему не нужно было объяснять, кто такой Виктор Альбертович Порубов и где тот служил. Уже без десяти девять следственно-оперативная группа в составе старшего следователя окружной прокуратуры Климова, старшего оперуполномоченного бюро уголовного розыска УВД Юго-Западного округа майора милиции Небылицына, эксперта-криминалиста ЭКУ ГУВД Козлова и судмедэксперта из Московского бюро судебно-медицинской экспертизы Богатикова прибыла на место происшествия.

А слухи о трагедии, случившейся на Оранжевой улице, между тем множились.

Ответственный дежурный по окружному УВД поставил в известность свое руководство. Те в свою очередь оповестили окружного прокурора. Этот старший советник юстиции Ефимичев немедленно позвонил в Генеральную прокуратуру, дежурному, а затем в Управление ФСБ

по Москве и Московской области. В общем, через короткое время уже все спецслужбы оказались в курсе того, что сегодня вечером были застрелены, по предположению отдельных свидетелей, из автомата генерал-полковник ФСБ в отставке Порубов и его супруга. И, по соображениям многих, столь дерзкое убийство представителя госбезопасности такого высокого ранга, пусть даже и находящегося в отставке, в Москве произошло впервые. В этом мнении все, узнавшие о смертельном покушении, были едины. А дальше начались, что называется, разночтения.

Евгений Анатольевич Климов, лысеющий и несколько полноватый блондин тридцати лет от роду, человек с мягким для следователя характером, по уверению коллег, отличался въедливостью в деле. И эти его медлительность и дотошность часто, по тем же уверениям, мешали ему самому быстро и решительно «проворачивать» дела. За это его поругивало начальство, но оно же и хвалило Женю за фактическое отсутствие «висяков» – нераскрытых дел. Возможно, с этой целью ему и поручались нередко «гиблые» дела, ибо руководство не сомневалось: Женя раскопает, отыщет концы, чего бы это ему ни стоило. Подбадривать его только надо время от времени, исключительно для ускорения процесса.

Об этом подумал и Павел Никифорович Ефимичев, когда позвонил Климову, выехавшему «на труп», где-то уже в начале двенадцатого часа ночи и поинтересовался, как идут дела.

Евгений ответил шефу, что по первым прикидкам оставалось пожелать много лучшего. Киллер, неизвестно, кем он был на самом деле, в буквальном смысле изрешетил тело генерала пулями. Кстати, и свидетели, которых не без труда – поздно ведь уже – удалось отыскать, утверждали, что слышали автоматные очереди. Экспертиза, конечно, покажет, из какого оружия был убит генерал и, похоже, смертельно ранена женщина, ехавшая вместе с ним в машине. Во всяком случае, на данный момент положение ее остается крайне тяжелым – ранение головы, левого плеча и правой руки. И при этом большая потеря крови. Врачи говорят, что она в коме и исход пока неизвестен, остается только надеяться на крепость молодого организма. По паспорту ей всего тридцать лет.

И тут снова вмешалась очередная неясность. По показаниям одного свидетеля, жильца того же дома, где проживал генерал, Анастасия Андреевна Копылова была фактической женой Порубова. Но в паспорте ее не оказалось штампа о замужестве. В то время как и в документах Порубова нигде не указано, что он находится в разводе со своей супругой Татьяной Григорьевной, проживающей в Филях, в доме, где в свое время давали квартиры высокопоставленным кремлевским сотрудникам. Значит, женщина, прописанная в доме на Оранжевой улице и являющаяся полновластной хозяйкой большой четырехкомнатной квартиры, гражданская жена генерала? А где же тогда прописан генерал? ДЭЗы давно закрыты, поднимать среди ночи сотрудников тоже не самый лучший выход – сплошные вопросы, остается ждать утра и начинать поиски свидетелей заново.

Что касается стрельбы, то на автоматные очереди указали три свидетеля, но проявлять доверие к их показаниям казалось неразумным. Старшему из них всего тринадцать лет. Это мальчишки из соседнего дома, прибежавшие на звуки выстрелов. А вот те, кто действительно находились неподалеку от места убийства, ничего определенного сообщить следствию не могли. Кто не слышал, кто с балкона сначала не обратил внимания, а кто и затруднялся объяснить, что конкретно слышал и видел на самом деле.

И еще одно обстоятельство. В машине, принадлежавшей, судя по документам, Порубову, находился заплаканный ребенок – девочка, которую зовут Настей, как и ее маму. Она уверяет, что приехала вместе с мамой и папой от тети Тани, где был праздник. Больше ребенок ничего путного сказать не мог. И вот снова вопрос: кто такая тетя Таня? Может быть, первая жена Порубова?

Как уже было сказано Климовым, с трудом отыскивали адрес Татьяны Григорьевны Порубовой в Филях и дозвонились до нее, несмотря на поздний час. Видимо, отношения между бывшими супругами были натянутыми, и серьезного разговора, по существу, не состоялось.

Выяснилось лишь, что к этому ребенку Татьяна Григорьевна никакого отношения не имеет и не желает иметь, для этого там – что она имела в виду? – имелась куча своих родственников. Искать эту родню среди ночи также не представилось возможным, и Климов решил отправить девочку на ночь в детскую комнату милиции, где ей смогли обеспечить временный приют и ночлег.

Квартиру, в которой проживал генерал вместе с Копыловой, открыли ключами, найденными и у него, и в сумочке Анастасии Андреевны, в присутствии понятых и установили, что там никого нет. Оставлять девочку в квартире одну, конечно же, Климов не решился, да и не имел такого права.

Значит, следующий день уйдет на поиск родственников девочки, в первую очередь ее тети Тани, а также толковых свидетелей происшествия, поскольку по горячим следам обнаружить убийцу не удалось. Те же мальчики помогли составить его фоторобот, но весьма приблизительный, поскольку лица убийцы так никто из них и не видел. Но все утверждали, что тот был в сером плаще, похожем на удлиненную куртку, высокого роста, где-то под сто восемьдесят сантиметров, в бейсболке и белых кроссовках. И еще, кажется, он прихрамывал на левую ногу, потому что, когда догонял отъехавшие «Жигули», приволакивал эту ногу.

Поиск самих «Жигулей» серого цвета, пятой, по общему мнению, модели, от крыши до колес покрытый засохшей коркой грязи, так что и номерной знак не был различим, ни к чему не привел. Объявленный по городу план-перехват «Вулкан-5» ничего не дал. И скорее всего, по той причине, что эти «Жигули» вполне могли отправиться не к центру Москвы, а, наоборот, за ее пределы, в область, которая, к слову сказать, начиналась в двух шагах от нового района.

И в конце уже разговора Евгений посетовал на то, что на месте происшествия оказалось слишком много посторонних лиц, пытавшихся проводить собственное расследование. Это он жаловался на то, что на Оранжевую улицу следом за его группой примчалась и машина с сотрудниками Управления ФСБ по Москве и области. И они со всей решительностью взялись было командовать, отдавать свои распоряжения, но он, Евгений Климов, поставил их на место, популярно разъяснив, что возглавляет следственно-оперативную группу окружной прокуратуры и Управления внутренних дел и вмешательства в свои дела не потерпит. А чтоб смягчить «отлуп», предложил им созвониться с собственным руководством и объяснить ситуацию. Те никуда не позвонили, но и вмешиваться перестали тоже, послонялись еще, походили, может, для вида, поспрашивали, не было ли при покойном каких-нибудь важных документов, а потом уехали. Так и непонятно было, зачем, собственно, приезжали? Ну генерал-полковник, ну пусть их бывший начальник, ну и что? Убивают нынче всех – и «крутых», и не очень, вот разве что генерал-полковников отставных из ФСБ пока еще не трогали.

Прокурор, выслушав неспешный и в меру обстоятельный отчет, в свою очередь поставил Климова в известность о своем телефонном звонке в Генеральную прокуратуру. Все-таки труп такого ранга может вызвать множество вопросов, на которые он, Евгений Климов, сразу и не ответит. Короче, завтра многое прояснится, а пока можно завершать работу и дать людям покой.

Труп Порубова судебный медик Богатиков отправил в Бюро судмедэкспертизы для вскрытия. Анастасию Копылову под капельницей увезли в институт Склифосовского, поскольку положение ее было просто крайне тяжелым. С маленькой девочкой тоже временно разобрались. Дверь квартиры Копыловой закрыли и опечатали, и на том закончили работу.

Садясь в машину, Евгений Анатольевич заметил, что причину происшествия, по его твердому убеждению, следует искать в трудовой, в смысле служебной, деятельности генерала. Скорее всего, в бывшей. Хотя, черт его знает, может статься, что и на пенсии он не оставлял прежних дел. Известно же, что в спецслужбах бывших не бывает. И этот его «оптимистический» прогноз как нельзя точнее отразил общее настроение в группе. Вся надежда оставалась лишь на то, что у Климова обычно «висяков» не бывает. Бог даст, и на этот раз пронесет...

3

– Климов? – спросил Турецкий. – Евгений Анатольевич? Нет, не знаю такого.

– А ты и не можешь знать всех без исключения следователей Москвы, – возразил Меркулов. – Но я слышал отзывы о нем, и у меня сложилось впечатление, что это толковый и порядочный человек. Если он к тридцати годам не успел еще растерять на нашем деле такое качество, как человеческая порядочность, то...

– То что, Костя? – усмехнулся Турецкий. – Ладно, у меня нет возражений, я готов его выслушать. Ну а как у нас сложатся дела позже, поговорим отдельно. Он-то сам уже в курсе?

– А вот это, я полагаю, ты сам ему и скажешь. – И добавил с легкой иронией: – И можешь не стесняться, уж твоя-то личность ему наверняка известна, так что открытий у него не будет.

– Нехорошо так говорить – а уж про то, что думать, я и не заикаюсь – о лучших и верных своих друзьях, Костя.

– А я разве что-нибудь такое сказал? Ты бы о деле, а не о самолюбии думал, Саня.

– Так, началось... Знаешь такой анекдот, Костя? Про «началось»?

– Похабный, конечно?

– Что вы, граф! Исключительно для дам-с! Пришел мужичок в ресторан и спрашивает у официанта: «А у вас тут, говорят, вкусно кормят и поят?» Ну тот: «Так точно-с! Чего изволите-с?» А мужичок отвечает: «Поддай-ка ты мне, братец, коньячку подороже, да икорки осетровой мисочку. С горячим калачом. Знаешь, пока не началось». Тот принес, мужичок выпил и закусил и попросил повторить заказ, с присказкой, что, мол, надо бы поскорее, пока не началось. Снова съел и выпил и снова просит повторить, пока не началось. Тут официант и спрашивает: «А когда платить будем-с?» «Ну вот и началось», – с грустью ответил мужичок.

– Ты это к чему? – спросил, улыбаясь, Меркулов. – Вот закроешь дело, может, я тебе и стаканчик поставлю, и икоркой хлебушек намажу. Но не раньше. А пока созвонись-ка с нашим общим другом и узнай у него все, что можешь, про этого генерала. Я чую, неспроста с ним так сурово обошлись. Не иначе либо старые хвосты обрубают, либо у них что-то новенькое. Но они не признаются, будут темнить. Он ведь, кажется, в какой-то серьезной фирме в последнее время работал, что-то там консультировал, понимаешь? А консультации таких людей, которые возглавляли в свое время управления в госбезопасности, очень дорого стоят.

– Как я понял, ты тоже считаешь, что дело тухлое?

– Почему? Самое обычное. На мой взгляд, скорее уголовное, нежели политическое. А с другой стороны, сегодня у нас нет ничего невозможного, так оно все перемешалось... Можешь, кстати, обрадовать и своего закадычного дружка Вячеслава, его министр не возражал нашему генеральному, когда тот попросил подключить к расследованию и Департамент уголовного розыска его министерства. Все-таки генерал-полковник, каким бы отставным он ни был, оставался, судя по всему, личностью значительной. И если его выбрали в качестве мишени, последствия могут оказаться самыми непредсказуемыми. Ты меня понимаешь, Саня?

– Ага, ты хочешь сказать, что если он первый, то может оказаться далеко не последним? Или тебе кто-то подсказал такую зрелую мысль?

– Типун тебе! Иди, не мешай работать.

И Турецкий, смеясь, пошел.

«Наш общий друг», которого мельком упомянул в разговоре Константин Дмитриевич Меркулов, был уже довольно долго заместителем начальника Главного управления собственной безопасности ФСБ. А знал его Меркулов по той простой причине, что был он сыном его старого товарища, еще с университетских времен, и в трудные минуты, когда требовалась экстренная и максимально правдивая информация о людях или событиях, считавшихся закрытыми для абсолютного большинства населения, Генрих Хайдерович, или Гена – между своими,

так звали «друга», выручал. И делал он это исключительно из чувства взаимопомощи, помогая друзьям распутывать самые тайные интриги, особенно те из них, которые «имели место быть» в высших эшелонах власти, проникнуть куда даже человеку, облеченному властью и обладавшему немалыми возможностями, иной раз было просто нереально.

Знакомства своего с Геней Меркулов с Турецким категорически не афишировали, имени информатора даже в разговорах между собой не называли, а если появлялась острая необходимость проконсультироваться с ним, заранее и строго обуславливали время и место встречи. Словом, все, как у самых заправских шпионов. И это была никакая не игра, а суровая, тем более в российских условиях, вынужденная необходимость.

Турецкий набрал секретный номер мобильного телефона Генриха Хайдеровича и произнес условленную фразу:

– Привет от дяди Кости.

– Здравствуй, – услышал он в ответ, и Александру Борисовичу показалось, что он увидел наяву, как загадочно, словно Чингисхан, улыбается Генрих, который был все-таки немного моложе его, хотя виски у него были уже серебряными – при густой, жгуче-черной жесткой шевелюре. – Есть проблемы?

Генрих всегда был краток и быстро вникал в суть дела.

– Один генерал, – сказал Турецкий словно о незначительном событии, – из бывших, приказал долго жить...

– Оранжевый, что ль? – с легкой иронией спросил Генрих.

– Он самый. Вот и узнать бы...

– В девять, если хочешь. Как обычно.

– Понял, до встречи, – ответил Турецкий и отключился.

До девяти вечера времени оставалось еще навалом. И его вполне можно было использовать на то, чтобы ознакомиться с теми материалами, которые уже успела «накопать» следственно-оперативная бригада Климова, а также встретиться с ним самим и оперативником из бюро угрозыска Юго-Западного УВД. Кажется, Небылицын. Что-то знакомая фамилия, где-то определенно слышал ее Александр Борисович. И подумал, что про этого Небылицына надо спросить у Вячеслава Ивановича Грязнова, уж он-то наизусть помнил имена всех толковых московских оперативников, особенно из уголовного розыска.

И, не теряя времени, Турецкий позвонил своему другу, занимавшему пост заместителя начальника Департамента уголовного розыска МВД. Во-первых, надо было «обрадовать», а во-вторых, посоветоваться.

Грязнов о новом деле, в которое его собирался «окунуть» друг Саня, уже знал – министр успел дать указание. Поэтому и телефонный звонок Турецкого встретил с философской ироничностью:

– Ага, никак не можете без Вячеслава? То-то! Не успели, значит, взяться за дело, как уже скорая помощь потребовалась? Ну давай, проси, может, чего и выпросишь. И то только потому, что Ахмед Абдулович лично попросил. А так нет у меня свободных кадров, все заняты!

– Слушай, Славка, – не обращая внимания на привычное ворчание друга, сказал Турецкий, – ты не можешь сказать, откуда мне известна фамилия Небылицын? Вспоминаю и никак не могу, но что-то очень знакомое.

– Небылицын? – переспросил Грязнов. – А тебя какой из них интересует? Известный ученый был такой, лет, наверное, тридцать назад, когда ты еще в школу ходил, а я уже за девками бегал. Или побольше. Он погиб. Кажется, самолет упал в море. Талантливый был психолог. А другой – Володька Небылицын, он опер на Юго-Западе Москвы. Тот, академик, тоже был, между прочим, Владимиром, а вот отчества ни одного, ни другого не знаю.

– Меня интересует опер.

– А что случилось?

– Он – в бригаде, с которой нам с тобой предстоит работать по известному тебе делу.

– Так это же прекрасно! Володька – отличный опер. Но это я его так – Володька, а вообще-то ему, наверное, уже за сорок. Один минус имеет – не умеет с начальством своим соглашаться, возражает много и часто по делу, потому до сих пор в майорах бегает. Я его, скорее всего, к себе в департамент перетяну и для начала звезду на погон добавлю. Это – хороший кадр, Саня. А ты когда собираешься с делами знакомиться? Я бы тоже подъехал, чтобы в испорченный телефон потом не играть.

– Тогда приезжай сейчас, а я ребят вызову. Мне нужно до восьми освободиться. Визит к общему другу, понимаешь.

– А-а, – вмиг сообразил Грязнов.

Он, как близкий друг и Меркулова, и Турецкого, естественно, знал о Генрихе. Даже сам с ним встречался однажды, когда возникла острая нужда в информации.

– Прикрытие обеспечить?

– Думаю, нужды особой нет... Разве что машинку какую-нибудь незаметную?

– Ну уж это могу обеспечить. Тогда я подъеду, да?

– Приезжай, жду.

И после этого разговора Турецкий позвонил наконец в прокуратуру Юго-Западного округа столицы и попросил соединить его с Евгением Анатольевичем Климовым.

Представляться ему, как и сказал Меркулов, не было необходимости. Возможно, и сам Климов был уже в курсе, что дело, которое он вел, передается в Генеральную прокуратуру, которая и продолжит расследование.

Об этой новости сказал Евгению Анатольевичу окружной прокурор Павел Никифорович Ефимичев, причем сообщил с явным облегчением в голосе. Было видно, что он даже рад тому, что Генеральная прокуратура освободила его от необходимости «вариться» в этом «тухлом», по его убеждению, деле. Сам Ефимичев уже возбудил уголовное дело по признакам статьи 105, часть 2 – по факту убийства гражданина Порубова и нанесения тяжких телесных повреждений гражданке Копыловой. И еще из материалов расследования он уже знал, что убийца не оставил после себя практически никаких следов, даже оружия не бросил на месте преступления, как это делают обычно киллеры-профессионалы. И вообще ничего, кроме полтора десятков стреляных гильз да довольно невнятных описаний внешности стрелявшего, у следствия на данный момент не имелось. Поэтому Ефимичев, может, был бы и рад, если бы Женя Климов сам довел это расследование до конца, но никакой уверенности в этом у него не было. А жертва, судя по всему, оказалась личностью неоднозначной и влиятельной, недаром же ребята из ФСБ едва ли не первыми примчались на убийство, и, значит, ему, окружному прокурору, просто не дадут отныне спать спокойно, будут без конца теревить и требовать результатов. И вообще на нормальной жизни можно будет поставить жирный крест. Так что звонок из Генеральной прокуратуры показался Ефимичеву спасением, о чем он немедленно поставил в известность и Климова.

Евгений Анатольевич был не то чтобы разочарован, у него и у самого в этом деле не было абсолютно никакой ясности. Кроме того, он был уверен, что ему придется при дальнейшем расследовании столкнуться с фактами, разглашение которых, вполне вероятно, нежелательно. Следовательно, надо говорить не о помощи со стороны тех же фээсбэшников, а, скорее, о долгой и рутинной борьбе за информацию, за каждую ее малую толику.

Такого же мнения придерживался и Володя Небылицын. За то короткое время, которое он провел, опрашивая возможных свидетелей, у него сложилось ощущение, будто свидетели почему-то не заинтересованы говорить правду. Большинство отделялось короткими репликами: «Не видел», «Не успел разглядеть», «Не слышал», «Слышал, что стреляли, но не видел кто и в кого», «Подожел позже, когда уже все кончилось», «К сказанному добавить нечего»...

А там и сказано-то было, что от кого-то слышал, будто киллер окликнул свою жертву, перед тем как начать стрелять. Вроде сказал с упреком: «Генерал...» – а уже потом прогремела автоматная очередь.

Они как раз и обсуждали вдвоем все эти странности, когда Климов позвонил Павел Никифорович и с облегчением в голосе предложил подготовить все имеющиеся материалы по возбужденному делу для передачи в Генеральную прокуратуру.

– Тебе оттуда позвонят и скажут, когда и к кому конкретно доставить. Так что поторопись, экспертов подтолкни, чтоб не спали, ну ты и сам знаешь, что надо делать.

Знать-то они оба – и Климов, и Небылицын – знали, правда, облегчения не почувствовали, как любые другие настоящие профессионалы, у которых отбирают по неизвестным причинам работу, к которой они как бы отчасти уже прикипели. Именно поэтому, когда позвонил Турецкий – фамилия этого опытного следователя, сейчас исполняющего должность первого помощника генерального прокурора, была действительно известна Евгению – и сказал, что хочет попросить – и в этом тоже была своя «изюминка»: не приказал, не распорядился, а именно попросил, – короче говоря, оба почувствовали некоторое облегчение. И настроение резко улучшилось, когда Турецкий добавил, что хотел бы посоветоваться по этому делу и что для этой же цели он пригласил к себе генерала Грязнова, который тоже будет помогать дальнейшему расследованию. Так что ему, Турецкому, было бы важно, чтобы при беседе присутствовал и старший оперуполномоченный Владимир Афанасьевич Небылицын, который работал по горячим следам со свидетелями.

Несколько обескураженный таким поворотом дела, Климов спросил:

– Значит, дальнейшую работу вы будете проводить уже сами?

– Зачем же? Только вместе, коллега, только вместе. Я слышан о ваших с Небылицыным способностях и не хочу разрушать толковую следственно-оперативную группу. Усилим маленько, если не будете возражать, своим присутствием – и только. И еще просьба, посмотрите, нет ли еще экспертиз у медиков, у криминалистов, у баллистиков. Я понимаю, что так быстро требую практически невозможного, но, может быть, они вас послушают и выдадут хотя бы предварительные заключения? Что-то ж у них уже наверняка есть? И последнее. Если не возражаете, я хотел бы вас с Небылицыным увидеть у себя, на Большой Дмитровке, в течение ближайшего часа. Грязнов уже едет. А в восемь у меня срочное дело. Но я вас с Вячеславом Ивановичем, видимо, оставляю, чтобы вы обменялись своими соображениями. Не возражаете?

Как было возражать после такого любезного приглашения?

Климов вспомнил, что он уже слышал о Турецком. И по всему выходило, что работать с ним можно только в полном контакте, то есть при взаимном понимании. Еще говорили, что он терпеть не может всякого рода ловчил и прохиндеев, что он не признает никаких дутых авторитетов и, когда сталкивается с таковыми, бывает остер на язык и довольно резок в выражениях. Но при этом обладает общительным и веселым нравом. Некоторые, словно заговорщики, добавляли, что красивым женщинам от него нет проходу и что по этой части он – великий ходок. Ну уж это скорее всего, сплетня, хотя Турецкий вроде и не стар, ему где-то немного за сорок пять, так что вполне может быть.

Сам, имея, по мнению коллег, вовсе «не вредный, компанейский характер», Евгений как-то сразу поверил, что они сработаются, сумеют быстро найти общий язык.

О Володе Небылицыне и говорить было нечего. Едва он услышал фамилию Грязнова, как с ходу заявил, что у этого человека, бывшего многолетнего начальника МУРа, он готов быть даже на побегушках и что теперь у них предстоит действительно большая и интересная работа. Ну а препятствия? Так в любую минуту можно будет сослаться на авторитет старших товарищей! И пусть только кто-то попробует им сказать «нет»!

К Турецкому, к которому теперь переадресовывались все телефонные звонки, так или иначе связанные с фактом убийства генерал-полковника Порубова, дозвонилась сестра тяжело раненной жены Виктора Анатольевича – Татьяна Андреевна Васильева, как она представилась..

Несмотря на плачущий, взволнованный и сбивчивый голос женщины, Александру Борисовичу без большого труда удалось выяснить, что ее звонок явился следствием поразительной оперативности телевизионщиков, успевших показать, начиная с первой утренней передачи, а затем повторив несколько раз на протяжении дня, репортаж с места происшествия – громкого и, по всей видимости, заказного убийства бывшего начальника Управления ФСБ по Москве и области. Говорилось в репортаже и о том, что была тяжело ранена молодая супруга генерала. Единственным человеком, о котором не было сказано почему-то ни слова, была маленькая дочка Порубова и Копыловой, оказывается, состоявших чуть ли не десять лет в гражданском браке. Все-то они знали, эти пронырливые тележурналисты! Все, да вот, видимо, не все. Именно судьба маленькой Насти больше всего сейчас волновала ее родную тетю.

Такой поворот темы немедленно заинтересовал Турецкого. Сидевший рядом с ним Климов тут же вмешался в разговор и подсказал, что искать девочку надо в детской комнате милиции, назвал адрес, по которому Настя находилась, и объяснил, почему получилось так, а не иначе. Все было логично, но Турецкий, узнав, сколько девочке лет, пожелал немедленно сам с нею повидаться. Пять лет – достаточно взрослый ребенок. В эти годы его собственная дочка Нинка выдавала иной раз такие наблюдения, что приходилось только диву даваться. А заодно следовало поговорить и с тетей Таней – вполне возможно, что она могла сообщить следствию что-нибудь важное.

Собираясь в Генеральную прокуратуру, следователь и сыщик несколько подзадержались, виной чему были объективные обстоятельства. Судебный медик Богатиков еще не составил акт экспертизы вскрытия трупа, точно так же, как и эксперты-баллистики, которые все еще готовили свое заключение по поводу гильз, изъятых с места происшествия, проверяли находки по картам пулегильзотеки, а ожидание требовало определенного времени. И к моменту телефонного звонка Татьяны Андреевны разговор не добрался и до середины, а время уже Турецкого поджимало. Но он решил, что для начала надо хотя бы встретиться и познакомиться с этой Татьяной Андреевной, а беседу по существу можно будет провести с ней и позже. Вот они и договорились с женщиной встретиться в детской комнате милиции, в Ясенева. А оттуда было сравнительно недалеко и до Чертановской, куда Турецкий должен был ехать после этой встречи.

Но чтобы не прерывать важного разговора и не откладывать обсуждения вопроса на потом, Александр Борисович предложил Вячеславу Ивановичу, совместно с Климовым и Небылицыным, продолжить их беседу в его кабинете. Сам же собирался встретиться со Славой еще сегодня, но позже, где-нибудь в районе половины одиннадцатого. Затягивать свой разговор с Генрихом он тоже не собирался, но главное время у него все-таки забирала дорога – концы по Москве получались дальними, да с учетом вечерних пробок и того дольше.

С тем он и убыл – на неприметных, коричневого цвета оперативных «Жигулях» с форсированным, как он понимал, двигателем и оперативным номером, который менялся по мере необходимости. На этой машине Вячеслав Иванович приехал сам и оставил ее на стоянке в служебном дворе прокуратуры. Впрочем, Александр Борисович сильно сомневался, что может для кого-то представлять интерес – ведь решение о том, что он возглавит следственно-оперативную группу, было принято в буквальном смысле только что, сегодня, значит, и внимания к

своей персоне в этой роли он еще ни с чьей стороны не заслужил, видимо, нечего и опасаться. Однако береженого, как известно, и Бог бережет, поэтому лучше обезопасить себя заранее.

...При разговоре по телефону он представлял себе женщину, по меньшей мере, средних лет, с серьезным жизненным опытом, по-бабьи растерянную от навалившегося горя, суматошную и беспомощную одновременно. А перед ним сидела совсем молодая, можно сказать, девушка, которая всего-то год назад вышла замуж и сменила свою девичью фамилию Копылова на мужнину – Васильева. Она и паспорт свой показала, будто боялась, что ей не поверят. Муж ее остался дома, с ребенком, который недавно у них родился, а вот вчера были крестины, а потом домашний праздник, с которого и уехали дорогие гости – Настя с мужем Виктором Альбертовичем и дочкой Настенькой, которую Порубов в свое время захотел назвать именно так – в честь горячо любимой жены.

Чувствовалось, что, несмотря на свой «нежный» еще возраст, именно Татьяна была «головой» в своей семье, а муж послушно выполнял ее поручения.

Но Турецкого больше всего интересовали не отношения в семье Татьяны, о чем она повествовала несколько бестолково, но громко и уверенно, будто боялась, что кто-то в самом деле покусится на ее самостоятельность. Она сказала еще, что гостей вчера было много, что все хорошо поспраждновали, возвратившись из церкви, и что больше других, как ей показалось, был доволен Виктор Альбертович, который до последнего времени охотно помогал им с Петей, с мужем, ну Петром Семеновичем, так его полностью зовут там, где он работает. Однако Турецкому было неинтересно слушать, где и кем работает Петр Семенович – тоже совсем молодой, судя по всему, человек. И не вызывало сомнения известие о том, что Порубов помогал молодоженам, даже неплохой двухкомнатной квартирой их обеспечил в том районе, где они прежде проживали в коммуналке – это на Восточной улице, недалеко от ЗИЛа, где и трудится в инструментальном цехе Петя, то есть Петр Семенович – толковый рабочий парень, а с недавних пор – отец семейства. И в том, что сына своего родившегося они называли Виктором, была не только благодарность за прошлую помощь, как понимал теперь Турецкий, но и отчасти прозрачный намек на родство. А то, что Виктор Альбертович был в свое время, еще при первом президенте, очень большим человеком, – ни для кого не секрет. Но, даже оставив свою прежнюю службу, он не стал от этого менее значительным, хотя по-прежнему помогал своей первой семье, родне новой жены, не дожидаясь просьб, и вел себя при этом совсем просто и доступно. Короче говоря, очень хороший был человек, которого ей, Татьяне, искренне жалко. Она и слова произнести сперва не могла, когда услышала по телевидению про убийство. А потом так разрыдалась, что муж едва смог успокоить. Он сегодня не на работе, по случаю рождения сына, поэтому оказался дома и тоже все слышал и видел. Но он совсем растерялся, когда не услышал ни слова о Настеньке, он даже на телевидение пытался позвонить и узнать, почему о ней не сказано ни слова? Это уже она, Татьяна, его вразумила, что надо обращаться в милицию, а не на какое-то телевидение, где никто ничего толком не знает, а болтают что хотят.

Вот, например, всем известно, что Настя с Виктором жили, как муж с женой, ровно шесть лет, так почему по телевизору сказали про десять? Кстати, здесь-то у Турецкого вопросов не было – кто-то из свидетелей наверняка сказал, что покойный генерал и его молодая жена прожили в этом доме с десятков лет, вот и понеслось. Это все как раз мелочи.

И вот они стали звонить повсюду – в милицию, в «скорую помощь», но нигде им ничего определенного ни про Настю, ни про ее дочь сказать не могли. Сказали только в «скорой», что в институт Склифосовского была доставлена раненая женщина, по паспорту Анастасия Андреевна Копылова, и находится в тяжелом состоянии, а больше ничего не сказали. Не знали они ничего и про девочку.

Тогда Петя выяснил, к какому отделению милиции относится Оранжевая улица, что в Юго-Западном округе столицы, нашел это отделение, оттуда его послали в УВД, а уже там дали

телефон Турецкого, который якобы должен все знать. Таким вот образом и выяснили наконец. Но где же Настенька?

Александр Борисович успокоил Таню – он стал называть ее именно так, без отчества, мала еще, – сказал, что девочку сейчас приведут, и предупредил, что с ней надо быть сейчас очень осторожными, не нарушить детскую психику, а, напротив, показать, что все происшедшее – только неприятный случай, а мама скоро к ней вернется, она, мол, немного приболела. И еще он попросил у Тани разрешения в ее присутствии задать девочке пару вопросов – несложных, аккуратных, которые не вызвали бы у нее болезненной реакции. Таня кивнула – можно. Она, похоже, уже четко осознавала свою ответственность за Настеньку.

Девочка была умытой и причесанной. На лице ее не было и следов каких-то особых тревог, беспокойство – это да, было заметно. Увидев тетю Таню, она с радостным криком бросилась к ней, она явно любила свою тетю. И тут же стала жаловаться, что осталась одна, а папа с мамой куда-то уехали и ничего не сказали. А у тети Сони там – малышка небрежно махнула рукой себе за спину, возможно имея в виду воспитательницу детской комнаты, – много игрушек, но совсем не таких, как у нее дома. И пошли бесчисленные вопросы, главным из которых был – где мама?

Таня, для большей уверенности поглядывая на Александра Борисовича, объясняла девочке так, как они только что договорились. Но при этом на глазах у нее блеснули слезы, и она локтем их вытирала – такой вот непосредственный жест.

Потом девочка вдруг сказала, что мама закричала и выскочила из машины, захлопнув дверь. Но сначала позвала собачку тети Тани – Рэмку.

Собачка? Рэмка? Турецкий вмиг насторожился.

Да, оказалось, есть у Тани собачка по имени Рэм, распространенное, между прочим, имя среди собачников, а этот – еще шенок ирландской породы, Настенька с ним, к слову, весь вечер, пока длился праздник, играла, потому что ей было скучно вместе со взрослыми за столом, это правда. А вот почему Настя позвала собаку, когда неизвестный убийца уже застрелил ее мужа и собирался выстрелить также и в нее, этого Таня объяснить не могла. По телевизору так ведь и сказали, что убийца, киллер, сначала разделался с генералом, прошив его очередь из автомата, а затем то же самое сделал и с его женой. Почему? За что? Абсурд какой-то...

А не случилось ли так, что Настя в последний момент вдруг узнала убийцу? И позвала вовсе не щенка тети Тани, а именно его, какого-то человека по имени Рэм? Или, может быть, девочке просто показалось? Александр Борисович осторожно задал наводящий вопрос и убедился, что не показалось – Настина мама сперва громко закричала: «Рэм!» – а уж потом выпрыгнула из машины.

В любом случае имя это следовало взять на заметку и разобраться с этим.

Затем, когда и девочка, и ее тетя немного успокоились, Турецкий разъяснил Тане, что будет сам, от имени Генеральной прокуратуры, заниматься этой трагедией. Он записал также Танин номер телефона, чтобы звонить, когда станет известно что-то новое о здоровье Анастасии Андреевны, а пока ее тревожить не надо – она находится еще в коме, то есть ничего не видит, не слышит и никого не узнает, и неизвестно, сколько времени продлится это ее состояние. Добавил, что, по словам следователя, который первым приехал на место происшествия, раненой Копыловой в настоящий момент занимаются опытные врачи из института Склифосовского, и лишний раз нервировать их тоже не стоит.

Таня заявила, что на время болезни сестры, да и вообще на столько, на сколько это необходимо, готова сама ухаживать за девочкой, у которой никакой другой родни нет и в помине. И вот тут Турецкий нашел возможным для себя задать вопрос, который интересовал его.

– Скажите, Таня, вам неизвестно, почему Анастасия Андреевна не взяла себе фамилию мужа?

Ответ оказался поразительно прост.

– Так они ж не были расписаны. А потом Настя вряд ли стала бы Порубовой. Одна ведь уже есть – Татьяна Григорьевна, которая терпеть не может новую, гражданскую жену своего мужа. Настя как-то говорила, будто та до сих пор не теряет надежды, что Виктор вернется в семью, где давно уже взрослые дети, где строгий уклад, где Порубова постоянно ждут. Такие вот слова говорила. Но Виктор, по ее же утверждению, не желал возврата к прошлому. Он любил Настю и всегда это подчеркивал. Кстати, при всех и абсолютно искренно, что даже иногда казалось немного нарочитым. Однако вместе с тем он не поднимал почему-то и речи о разводе, – кажется, Татьяна Григорьевна была категорически против этого шага.

Но тогда сам по себе напрашивался и закономерный вопрос: а не явилось ли убийство неверного мужа и его любовницы мстью оскорбленной женщины? Александр Борисович имел в виду Татьяну Григорьевну. Таня задумалась, а затем, тряхнув девичьей своей челкой, ответила отрицательно, как мудрая, пожившая женщина:

– Одно дело – ненавидеть, а совсем другое – реально пожелать смерти. Я не думаю, нет. Пожалуй, нет.

Значит, надо будет и эту версию проверить, вздохнул про себя Турецкий и, взглянув на часы, понял, что еще немного – и он начнет опаздывать, а это было не в его правилах. Наскоро попрощавшись и пообещав звонить, он оставил почти осиротевшую девочку и ее молоденькую тетю одних. А «почти» потому, что Турецкий знал, что такое кома и как редки случаи выздоровления впавших в нее людей.

5

Уезжая из Ясенева, Александр Борисович несколько раз менял направление своего движения, на что тоже уходило немало времени, но не из-за дорожных пробок, встречавшихся в самых неожиданных местах, а чтобы сбить с толку преследователя, если бы таковой оказался у него «на хвосте». Он постоянно поглядывал в зеркальце заднего обзора, но «хвост» не обнаруживал, и это пока успокаивало. Особенно настораживало его то обстоятельство, что на место гибели генерала одними из первых примчались именно люди из госбезопасности. А этим если уж что-то надо, то не отстанут. И по части маскировки они тоже мастера. Это – не братва, которая прет за тобой без всякого стеснения, от этих и отвязаться – пара пустяков. А господа чекисты наверняка уже знали, что дело поручено на самом высшем уровне Александру Борисовичу Турецкому, а у него разговор с «соседями» всегда был прост – не болтайте под ногами и не мешайте работать. Мне прикажут, тогда скажу, а будете надоедать, следить, провоцировать, я сам такую вам провокацию устрою, что мало не покажется. Бывали уже случаи подобного рода, и хорошо, когда «наблюдатели» отделялись просто насмешками в свой адрес.

Ну а потом ведь был еще и Костя, у которого в друзьях один из заместителей директора Федеральной службы безопасности, и Костя бесполезных антимоний тоже не любит. Ох, нарветесь, ребята!

Но как к ним ни обращайся, к этим «топтунам», на душе не легче, когда у тебя у самого нет полной уверенности. Потому и остерегался всякий раз Турецкий, закладывая лишний крюк по пути в Чертаново.

Там, в старом уже районе, который со всех сторон начали теснить высотные новостройки, в одном из домов на пятом этаже была неприметная конспиративная квартира Генриха Хайдеровича, где он мог без помех общаться со своей агентурой, встречаться с нужными людьми и быть уверенным, что место его дислокации остается тайной для остальных. Туда сейчас и мчал Турецкий.

Прием его был старый и не раз уже испытанный. Александр Борисович останавливал машину напротив здания почты, затем, якобы идя к почтовому начальству, проходил служебные помещения насквозь и выбирался на улицу с противоположной стороны здания – на зеле-

ный, заросший деревьями и густым кустарником, старый и узенький Балаклавский проспект, на котором уже не первый год постоянно шли землеройные работы – прокладывали подземные коммуникации для заметно приблизившихся новостроек.

Постепенно сносили пятиэтажки хрущевского времени, а их место занимали разноцветные высотки. Но тот дом, который нужен был Турецкому, по-прежнему скрывался в зелени высоких деревьев.

Ровно без двух минут Александр Борисович поднялся пешком на пятый этаж и нажал кнопку неслышного на лестничной площадке дверного звонка. Тотчас распахнулась дверь. Турецкий шагнул в темную прихожую. Дверь за ним бесшумно затворилась, и вспыхнул свет. Чингисхан стоял посреди тесноватой прихожей и улыбался.

Время не отражалось на этом скуластом и словно загорелом лице.

Они приветствовали друг друга так, будто не виделись сто лет. А если посмотреть правде в глаза, то, пожалуй, так оно и было. Только здесь ведь и встречались. А если происходила случайная встреча в каком-нибудь ведомстве, оба подчеркивали, что незнакомы друг с другом. Иначе в этой жизни нельзя. Недаром же говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

– Ну проходи. – Генрих приветливо хлопнул Александра по плечу. – Чай, кофе? Или?

– Я без водителя.

– Значит, маленькую рюмочку принять можешь, – тоже традиционно заметил Генрих, провожая Турецкого к стеклянному журнальному столику, возле которого стояли два кресла.

Буквально через минуту Генрих принес из кухни графинчик с коньяком и две маленькие рюмки, которые он держал в одной руке, а в другой у него парила «дымком» полная турка. Чашки для кофе были уже приготовлены на столе. Как и маленькие пирожные в простой стеклянной вазочке, также, можно сказать, традиционные в этой квартире. Они просто тают на языке и при этом совершенно не мешают даже самому серьезному разговору.

Генрих как-то мимоходом заметил, что это – изобретение личных переводчиков великих мира сего. Ведь тем приходится постоянно переводить слова патрона и его собеседника, даже во время обедов и ужинов, когда ж тут успеть подкрепиться? А эти пирожные – маленькие, вкусные, питательные, и, главное, рот для основной «работы» свободен. Традиционно пошутив и по этому поводу, Турецкий перешел к делу.

Оказалось, что про убийство генерала, бывшего руководящего сотрудника КГБ, а в последние годы перед отставкой – видного фээсбэшника, ему уже было все, или почти все, известно. Ну в том смысле, в котором о происшествии на Оранжевой улице знал теперь и сам Турецкий. Имелись у него также и свои версии этого демонстративно наглого преступления.

Первая могла быть связана с прошлой деятельностью фигуранта. Как известно, расцвет его деятельности пришелся на первые годы правления прошлого российского президента. А что за люди его окружали, кто ему давал советы и «помогал» управлять государством, которое благодаря этим хлопотам разваливалось на глазах, было ясно. Значит, и некоторые концы могли отыскаться в том времени.

Другая версия связывалась с последующей, после выхода в отставку, деятельностью генерала, возглавившего службу безопасности одной из фирм, быстро превратившейся в крупнейшую в стране финансовую группу «Анализ». И здесь он не только занимался проблемами безопасности от действий конкурентов, но и сам являлся консультантом по ряду «закрытых» вопросов. Его среди сотрудников называли Консультант, и это тоже говорило о многом.

По поводу убийцы Генрих высказался в том смысле, что это был, скорее всего, профессионал, не исключено, из спецслужб, возможно, даже однажды пострадавший от деятельности того же Порубова. А убийство женщины, точнее, попытка убийства – этот факт Генрих расценил именно так – могла произойти по той простой причине, что, если верить отдельным показаниям свидетелей, о чем уже известно даже от телевизионщиков, женщина с криком бросилась на убийцу, и тот не мог рисковать тем, что она его попросту запомнит и поможет

затем правоохранительным органам составить фоторобот преступника. Другими словами, он не хотел оставлять свидетельницу.

Версии семейного типа, о чем кратко рассказал Генриху Александр – со слов сестры Татьяны, – тот не то чтобы не принял, но отнесся к ним скептически. Шекспировские страсти, по его мнению, тут были ни при чем. Его больше беспокоили те организации, которые «консультировал» Порубов. Обо всем этом, а также в краткой, но достаточно емкой справке о жизни и деятельности генерала, было рассказано в том небольшом досье – всего несколько печатных страничек, – которое Генрих приготовил для Александра. Вот она, эта папочка. Генрих протянул ее Турецкому.

Александр мельком пробежал только первую страничку глазами и, сложив папочку вдвое, сунул в свой внутренний карман.

– Спасибо, век не забуду... А как у вас отреагировали, если не секрет?

– Реакция была ожидаемой: дыма без огня не бывает, – усмехаясь, ответил Генрих, и Турецкий понял, что больше он не скажет, а попытаться – дело совершенно пустое и лишнее.

Немного поговорили о жизни в Генеральной прокуратуре, о Косте Меркулове, пошутили по поводу его постоянной присказки – вот уйду на пенсию, что вы тут без меня натворите, одному Богу известно! А ведь оно действительно так. Генрих и сам относился почти с сыновней любовью к дяде Косте и желал ему только добра. А также тем близким людям, кто его окружал. Турецкий, естественно, входил в это окружение.

Наконец они приняли по рюмочке отменного коньяку, допили остывший кофе, и Генрих поднялся, чтобы проводить Турецкого. Произошло все то же самое, что при появлении его в квартире, но только в обратном порядке.

Они попрощались. В прихожей погас свет, затем открылась дверь и неслышно закрылась за уже вышедшим на площадку Турецким.

Александр Борисович сделал небольшой круг мимо затянутого ряской пруда, затем вернулся на Балаклавку и через школьный двор вышел к почте. Обратил внимание, что рядом с его «Жигулями» пристроилась темно-синяя «мазда» с затемненными стеклами.

Турецкий не стал разглядывать, был ли там водитель: «мазда» не мешала ему отъехать. Случайность это или нет? Попытался вспомнить, видел ли уже эту машину? Вроде нет...

Дальше раздумывать не стал, оставив загадку действительно случаю. Он сел за руль, включил фары, ибо становилось уже темно, и неспешно поехал из двора на проспект через узкий проезд, оставленный для машин строителями, который был ограничен бетонными блоками с красными лампочками, установленными на них. Оглянулся. «Мазда», не включая фар, на одних подфарниках, тронулась следом.

Если это был «хвост», то зачем им такая примитивная демонстрация? А может, это делалось специально, нарочно? Чтобы пощекотать следаку нервы? Показать ему, что он находится «под колпаком»? Но у кого – вот вопрос.

И еще. Турецкий мог бы поклясться, что, когда заезжал сюда, «мазды», наблюдавшей за ним, и в помине не было. Она появилась позже, когда он уже ушел на почту. И где-то в стороне она стоять не могла, потому что он внимательно оглядел двор, в котором стояло с десяток машин, но «мазды» точно не было. Значит, она появилась позже, определенно зная, что коричневые «Жигули», на которых приехал Турецкий, уже здесь, рядом с почтовым двором.

Или все это бред воспаленного воображения? Просто никто давно не гонялся за ним, Турецким, вот и примстилось, как говорится. Да и кто мог знать, что Славка именно для него пригнал в Генпрокуратуру оперативную машину?

Турецкий выезжал к Варшавскому шоссе, наблюдая, как «мазда» двигалась следом – причем так же неторопливо, как он.

И тут Александр Борисович резко повернул, но не налево, к выезду на шоссе, а, нарушив все правила, из второго ряда, под красный свет, свернул направо, на новый Балаклавский про-

спект, и понесся в ряду сверкающих под оранжевыми фонарями машин в сторону Калужской заставы, то есть в противоположном направлении. Убедиться успел только в одном: преследователь, если это был он, попытался было сделать то же самое, повторить его ход, но отчаянно загудели стоявшие на поворот машины, и «мазда» остановилась в ожидании, когда на светофоре вспыхнет зеленый свет.

«Они могли где-то „маячок“ прицепить», – подумал Турецкий, опасно маневрируя в потоке машин и стремясь поскорее проскочить очередной светофор. Удалось. Он свернул на Симферопольский бульвар и помчался вдоль трамвайных путей в сторону центра города. Выезды отсюда он хорошо знал, не впервые был здесь, и не впервые, кстати, вот примерно так же удирал от преследователей.

Если это простой маячок, еще ничего страшного – ну догонят они его где-нибудь, в конце концов. В районе той же Серпуховской площади. А если они еще и слушают, о чем может идти разговор в салоне? Вот это гораздо хуже. И Турецкий решился.

Он снова сменил направление и повернул на Нахимовский проспект, а потом помчался наискосок через район Черемушек и перед Загородным шоссе сделал наконец остановку. Вышел из машины, отошел от нее подальше в сторону и вызвал по мобильнику номер Славы Грязнова.

Тот отозвался так скоро, будто держал телефонную трубку в руках:

– Ну что у тебя?

– Есть подозрение, что нашелся «хвост». Пока оторвался, но, что будет дальше, не знаю.

Темно-синяя «мазда», номер тебе ничего не скажет, но я запомнил. Как провериться?

– Ты из машины говоришь? – деловито осведомился Грязнов.

– Славка, что с тобой, ты спал? Я тебя разбудил? Конечно нет.

– Тогда так. Ты где сейчас?

– Перед Малой Тульской.

– Ага, понял. Дуй по Дубининской до Садового кольца и по нему до Таганской площади.

Там, под мостом, наш гараж. Я сейчас позвоню, тебя немедленно примут. А уже оттуда, на другой машине, привезут ко мне. Диспозиция ясна?

– Так точно! Разрешите исполнять?

– Исполняйте, государственный советник, – засмеялся Грязнов...

Механик, который принял коричневые «Жигули», быстро загнал машину на подъемник, работал с ней недолго. Скоро он позвал еще одного «специалиста», и тот подошел к Турецкому, держа в руке небольшую металлическую шайбочку – «радиомаяк». Вот за ней-то и следовал наблюдатель, не боясь потерять своего «клиента» даже в густом автомобильном потоке. Нет, микрофона здесь не было, передавался только сигнал, ничего больше. Такие вот «фиговины» можно купить за гроши даже на Митинском рынке.

А вот как «маячок» попал на днище «Жигулей», подумать стоило. Эту загадку уже решил сам Вячеслав Иванович, когда один из служащих гаража доставил Турецкого к генералу Грязнову, на Енисейскую улицу.

– Ты в пробках стоял, Саня?

– Ну было, а как же, правда, старался избегать.

– И я тоже пару раз стоял, пока к тебе ехал. Как тебе известно, слухи в наших прекрасных учреждениях иногда опережают даже полет пули. Наверняка уже знают о нашем с тобой вступлении в дело. А тут кто-то мог подглядеть, что генерал Грязнов почему-то отъехал на этих самых «Жигулях». Возник вопрос, а с ним и пристальный интерес. Нет, я ничего не усложняю. Но точно так же любопытствующие могли догнать и тебя, застрявшего в пробке. Вот и вся загадка. Мы же не в пустоте живем, а под перекрестными и даже прицельными взглядами. «Мазда», говоришь?

– Чего ты вдруг о ней вспомнил? – удивился Турецкий. – Или знакома?

– Может, и знакома, а может, и нет. Надо будет потом проверить. Номерочек-то ее черкни мне вот здесь. – Грязнов подвинул Турецкому листок бумаги. – Хотя это ничего не даст. У них сотня подобных – на каждый случай.

– Кого подозреваешь?

– А кто больше всех заинтересован, чтоб убийство так и осталось нераскрытым, как ты думаешь?

Александр Борисович хотел бы и сам найти ответ на этот вопрос. Но для этого надо было хорошо знать, чем в последние годы занимался генерал-полковник Порубов. Надо было, по существу, все знать о нем, о каждом его шаге. А до этого дело еще не дошло. Турецкий даже не успел внимательно посмотреть на те документы, которые вручил ему «общий друг». Они, все еще свернутые, лежали в его кармане. В целлофановом прозрачном файле.

– Ну что ж, Славка, – сказал Турецкий, – давай тогда не будем терять времени и займемся делом. Материалы у меня здесь. – Он хлопнул себя по карману.

– Вот это мужской разговор, – согласился Грязнов. – А рюмочки не хочешь? Или вы там уже?

– Ну ты же знаешь его! Микродоза, исключительно ради вкуса во рту, не больше. Да... – задумчиво продолжил Турецкий. – Вот и прошел день охоты. Интересно, только один день, а хищники уже вышли на след охотника.

– Так сразу и хищники, – пробурчал Грязнов, открывая дверцу холодильника и звякая стеклянной посудой. – Вполне может быть, что и не хищники никакие, а просто туполобые «соседи», которые сами...

– Что «сами»?

– Ну разве случай с Порубовым не показал, что они и сами становятся легкой добычей?

– Это когда они сталкивались с подобными себе, – возразил Турецкий. – А если все иначе? И, кстати, гораздо проще?

– Ты что имеешь в виду? – насторожился Грязнов.

– Вспомни, сколько раз в своей практике мы сталкивались с фактами, когда причиной убийства становились, казалось бы, столкновения высших каких-то интересов, глобальные переделы собственности, словом, конфликты на уровне чуть ли не мировых проблем? А что на поверку? Нередко же оказывалось, что за всеми этими страстями стоял самый обыкновенный, даже банальный, треугольник. Шлюху там не поделили, еще что-нибудь подобное. Жена неверного мужа заказала. Муж нанял киллеров, чтобы те убрали его жену, которая мешала ему в его шашнях с любовницей. Еще нужны примеры?

– Я вижу, к чему ты клонишь, Саня, – сказал Грязнов, доставая бутылку коньяку. Из холодильника. Словно какую-то мерзопакостную водку!

– Ты до чего дошел, Вячеслав?! – возмущенно воскликнул Турецкий. – Какой же псих держит коньяк в холодильнике?! Тебе нехорошо?

– А-а, ты про это? – даже и не удивился Вячеслав и нахмурился. – Я просто тоже думал весь вечер об этом деле. Сопоставлял, что ребятки рассказали. У них есть толковые мысли по поводу, да... Но мы и эту твою версию тоже обязательно проверим. Здесь ничего упускать из виду нельзя... Только у меня вот никак не получается...

– Что конкретно?

– Ну, предположим, это был заказ. Мадам наняла кого-то, чтобы одним махом развязать узел и с подлым мужем, и с проклятой его любовницей. Скажем, вспышка такая произошла в ее сознании. Но ведь это же состояние у них длилось не один месяц или там год, а целых шесть лет! Вполне могли бы уже и привыкнуть.

– Мне сегодня сестра молодой супруги, так сказать, кое-что рассказала об этом, как ты говоришь, состоянии. Порубов не был официально расписан с Копыловой, это нам уже известно. Но он и не разводился со своей первой женой. Он помогал той семье, в которой,

между прочим, вполне взрослые уже дети. Но помогал и родственникам новой своей жены. Квартиру им купил, то, другое. То есть, я вижу, в чем-то был он человеком очень бескорыстным и щедрым. Имея при этом большие, или очень большие, деньги. Так, во всяком случае, его характеризует Таня, младшая сестра Копыловой. Они там вообще, как я думаю, все были если не влюблены в Порубова, то что-то в этом духе все-таки было. Так какой же смысл его первой жене убивать Виктора Альбертовича, если с его смертью кончалась и его помощь? Нет логики. Хотя... женская душа – потемки...

– Ладно, и эту версию проверим, – сказал Грязнов. – И откуда у него такие деньги – тоже. Прошу к столу! День охоты, говоришь? – Он покачал пегой своей головой с блестящей плешью посредине темени и засмеялся. – Ну-ну...

Глава вторая

По следу генеральского досье

1

Искать причину в той поре, когда генерал был молодым, показалось неразумным. Типичная биография человека, родившегося в последний год войны в семье сотрудника органов безопасности. Родитель служил в Смерше, был награжден, затем уволен на пенсию и скончался более двух десятков лет назад. В скором времени умерла и мать Виктора Порубова. Сам же он закончил военное училище, затем служил на Дальнем Востоке, там же был переведен в систему госбезопасности, учился в Высшей школе КГБ и стал медленно подниматься по служебной лестнице. В середине восьмидесятых переведен в Москву, в центральный аппарат Комитета государственной безопасности. Перестройку встретил в звании полковника. В девяносто первом – девяносто третьем годах выступил на стороне молодых демократических сил России. Во время известного «стояния» у Белого дома – даже тут не могли обойтись без «американской помощи» – находился рядом с первым российским президентом, что определенно зачлось ему при дальнейшем служебном повышении. Возглавлял УФСБ по Москве и области, а в девяносто шестом году вместе с группой бывших ближайших «соратников» этого президента был с треском отправлен в отставку. После чего начался совершенно новый этап его жизни. И об этом этапе шел отдельный разговор.

Еще, как следовало из досье, в семьдесят пятом году Порубов женился на бывшей сотруднице своего же ведомства, от которой имел двоих детей. В настоящее время им исполнилось двадцать девять лет – старшему и девятнадцать – младшей. Сын Юрий занимался бизнесом, владел небольшой, но известной фирмой «Радамес» по продаже импортных изделий из кожи и металла. Не ширпотреб из Турции, а действительно дорогих вещей от крупнейших европейских домов моделей. Дочь Светлана была студенткой Института международных отношений. Ясно, что и тут не обошлось без помощи родителя.

Связь с Копыловой была обозначена фактически одной строчкой. Но весьма красноречивой и многозначительной. Суть же заключалась в том, что, оказывается, Настя Копылова чуть более десятка лет назад поступила в закрытую академию ФСБ – как и почему, об этом досье умалчивало, – где тогда читал лекции уже к тому времени генерал-лейтенант Порубов. Вероятно, там они и познакомились, преподаватель со студенткой. Но только четыре или пять лет спустя Порубов оставил свою семью и стал жить с Копыловой гражданским браком. А еще через год у них родилась дочь.

Может быть, в этом факте следовало искать разгадку? Во всяком случае, Турецкий с Грязновым особо акцентировали это место в документе. А ну как и здесь всплывет нечто, напоминающее пресловутый треугольник?

Дальнейшие материалы касались исключительно служебной деятельности Виктора Альбертовича Порубова после его так называемого выхода на пенсию, а точнее, громкого, как это ни странно, увольнения в отставку.

То, что первый президент России отличался строптивым и, мягко говоря, часто непредсказуемым характером, уже давно ни для кого не секрет. Однако был момент, он пришелся на девяносто шестой год, когда «трон», что называется, качнулся, и довольно основательно, вызвав в определенных рядах сущий переполох. И как также известно, в самый ответственный момент для удержания власти действующему президенту, добывающемуся своего переизбрания на новый срок, пришлось пойти на некоторые жертвы. Лишился своего поста директор

ФСБ Роман Воронов, начальник Службы безопасности президента Николай Коротков – большой шутник и любитель мемуарной литературы, а также начальник УФСБ по Москве и области Виктор Порубов.

Но что любопытно: это только казалось, что все трое уволены одновременно, на самом деле все было далеко не так.

Порубов оставил свой пост в самом начале года. И причину этого составитель справки видел в том, что годом раньше был, как известно, убит – застрелен в своем подъезде – один из крупнейших российских журналистов, ведущий многих телепрограмм и он же – генеральный директор одного из телевизионных каналов Владлен Кедров. Президент, по следам первоначального расследования, дал личное обещание раскрыть преступление. Это обещание затем многократно повторялось во всех средствах массовой информации и в России, и за рубежом. Однако данное слово выполнено не было. Фактически год прошел, а следствие топталось на том же самом месте, с которого и началось. И вот это «топтание», судя по всему, и стало причиной «царского гнева».

Но «боевые друзья», которым и самим уже оставались считанные недели пребывания у власти, не бросили товарища. Порубова назначили консультантом финансовой фирмы «Анализ», которая скоро превратилась в финансовую группу, в акционерную компанию под тем же названием, где Порубов был назначен уже на более высокую должность – начальник службы безопасности. Еще высказывалось предположение, что в этой компании имели свой интерес и директор ФСБ, и начальник Службы безопасности президента.

Странное дело – генерал КГБ-ФСБ и консультант. Но что он может, вообще, консультировать? В чем должна состоять деятельность консультанта в финансовой фирме? Вот служба безопасности – понятно, это ее прямое дело, но экономика? Тут потребуются специальные знания, какими обладают опытные узкопрофильные юристы, финансисты, экономисты и прочие «узкие» специалисты. На этот конкретный вопрос могли бы ответить разве что сотрудники того самого «Анализа». Как, впрочем, и на следующий вопрос, который касался фирмы «Московский транспорт».

Оказалось, что «Анализ» тесно сотрудничал, точнее, контролировал эту фирму, специализировавшуюся на перевозках такси. Больше того, фирма «Новое синее такси», совершавшая свои перевозки исключительно на иномарках фирмы «Рено», входила в холдинг финансовой группы «Анализ» – настолько тесными были контакты. Оказалось также, что Порубов особенно пришелся здесь ко двору еще и по той причине, что за ним тянулся след еще из времен его прямой деятельности в ФСБ. Это именно он в самом начале девяностых годов помог становлению другой компании – «Дорожные перевозки», в которой имел в ту пору и свои собственные интересы. А значит, и опыт такого рода деятельности у него уже имелся. Вот и здесь придется крепко порыться, покопать. Не исключено, что конфликты могут потянуться и отсюда.

Одновременно в справке указывалось, что между фирмами «Московский транспорт» и «Дорожные перевозки» шла затянувшаяся междоусобная война с переменным успехом. Причина – освоение новых рынков и передел уже имеющихся. Кстати, именно с этой длительной войной, в которой, не исключено, с обеих сторон были задействованы даже организованные преступные группировки – для преодоления конфликтов, – связывают убийство исполнительного директора дочерней фирмы «Дорожных перевозок» – «Комфорт-такси» Арнольда Фиштейна. Эта фирма заключила соглашение с администрацией аэропорта Шереметьево о своем монопольном праве на обслуживание пассажиров обоих аэропортов. По некоторым непроверенным данным, к этому убийству якобы имел отношение Порубов, ибо «Дорожные перевозки» контролировали бывшие его коллеги из ФСБ, а нынешний его интерес был связан уже с «Московским транспортом».

Так это что значит? Он против своих же пошел? Но все это было на уровне предположений, потому что у следствия на этот счет не имелось ровным счетом никаких доказательств.

Словом, намеков всякого рода было высказано в справке, как говорится, выше крыши. Оставалось только разгрести эту гору в поисках того самого жемчужного зернышка. Совсем, надо понимать, немного, просто начать и... кончить.

Было уже поздно, да и коньяк выпит, и основные темы обсуждены. И даже прикинут, пока в общих чертах, на словах, план дальнейших следственных действий.

Грязнов уже откровенно зевал. И Турецкий, раз проку от товарища в ближайшей перспективе никакой, предложил ему отправляться спать, а сам еще хотел посидеть с карандашом и листом бумаги, чтобы, пока слишком свежи в мыслях факты этого дела, попытаться изложить свой план расследования на бумаге. Тот же Грязнов всегда ведь утверждал, что даже самые слабые чернила все-таки лучше и крепче самой твердой и изощренной памяти. Вот и следовал завету друга. И пить больше не хотел.

Домой Александр уже успел позвонить, и Славка подтвердил Ирине, что они вдвоем с Саней усиленно работают над планом расследования, который завтра рано поутру необходимо представить самому генеральному прокурору.

Ирина, прекрасно знавшая, зачем нередко собираются ее Саня со Славкой в огромной и пустой генеральской квартире, где и сама нередко бывала в гостях, на этот раз поверила, что «мальчики» действительно работают. Уж слишком озабоченными и, главное, трезвыми были их голоса. И не стала возражать, когда Саня заявил, что, наверное, останется ночевать у Славки, чтобы к началу рабочего дня им уже докладывать в Генеральной прокуратуре. Дело ведь под контролем на самом верху! В первый раз в России прямо так, в упор, расстрелян генерал-полковник ФСБ, хоть и бывший.

Ирина, естественно, прониклась значительностью этого события и ругаться и возражать не стала. Что друзьям и требовалось. Так что с этим вопросом была полная ясность.

Ясность! Вместе с этим словом по странной, естественно, ассоциации у Грязнова возник в памяти Небылицын. Нет, не Володька, опер, с которым они теперь будут работать рука об руку, а тот ученый-психолог, который давно погиб, лет двадцать или поболее назад. Это у того Небылицына на лекции в университете и услышал Вячеслав ставшую потом крылатой фразу о ясности. По словам ученого, который и сам недалеко ушел по возрасту от своих слушателей-студентов, его старший товарищ академик Горбов однажды произнес фразу, ставшую, как сказано, ключевой во многих и житейских, и научных, и производственных, и даже общественных вопросах. «Не вноси, – сказал тот другому своему приятелю, – в дело преждевременную ясность – финансы срежут». При плановой экономике, когда буквально все регулировалось государством, эта фраза могла стать и предостережением, и своеобразным лозунгом. Но теперь-то? При диком капитализме? Оказывается, и здесь жив курилка! Нельзя говорить всю правду до конца, не поверят или – того хуже – сочтут болтуном, а то просто отмахнутся, что будет аналогично потере изрядной доли финансов. Так что все возвращается на круги своя, ох как прав Екклесиаст...

Вот все это и рассказал Турецкому Грязнов, забыв, видно, что речь о фразе академика заходила у них уже не раз.

– Иди, иди, – отмахнулся и теперь Турецкий, увидев, как Грязнов издали показывает ему бутылку водки – с явным намерением раскупорить и ее, чтобы принять еще по рюмочке на сон грядущий. – Ну разве что по одной, – смиростивился, увидев, как обиженно скривилось лицо друга. – Тогда дай хоть кусок колбасы, а то от твоих вечных шпрот меня уже тошнит! Слушай, я думаю, что в нашем плане мы предложим для расследования следующие версии. Во-первых, все-таки семейную. Во-вторых, связанную с прежней его деятельностью – на высоком государственном посту. Далее – нынешней, так сказать, коммерческой деятельностью...

Грязнов тем временем, согласно кивая, то бишь соглашаясь с Саней, достал из холодильника нетронутый батон колбасы, какое-то время с удивлением рассматривал его, а затем ножом отхватил изрядный кус, содрал натуральную шкуру и засунул розовое мясо в рот. Жуя, продолжал слушать. Наконец, частично проглотив, но все еще с полным ртом, заговорил. Причем буквы «с» и «з» у него не получались, и фраза прозвучала так:

– Шмотри-ка ведь шовшем про нее жабыл... Хорошая, докторшкая, то, что нам ш тобой пропишали, Шаня.

Турецкий захохотал.

– Дай и мне, не жадничай!

– И как ты ее только углядел? Я правда шовшем про нее жабыл.

– Ничего, я ж напомнил. На чем ты меня перебил?

– Четвертая версия будет политической, Шаня... У нас очень любят политику. Как же без политики? – закончил он, проглотив окончательно. – На. – И он щедро отхватил от толстого батона ровно его половину. – Нет, я понимаю, конечно, что все они тут же станут делать вид, будто отмахиваются от нее, от нашей версии, как черт от ладана, но в данном случае без нее в самом деле не обойтись. И когда всю эту братию вдруг отправили на пенсию, президент, как бы я к нему, в конце концов, сегодня ни относился, наверняка прекрасно знал, зачем он это делает. А то, что следы наверняка тянутся издалека, из прошлых времен, мне, Саня, почему-то подсказывает моя проклятая интуиция. И они будут тщательно замечать эти следы. Просто так генералов у нас не убивают, да еще таких.

– Ну что ж, поверим твоей интуиции и включим четвертую версию. Только ее придется хорошенько обосновать.

– Не внося при этом, как сказано, преждевременную ясность! – назидательно поднял указательный палец Грязнов. – Ты теперь понял, зачем я тебе так долго об этом рассказывал?

– Ну как же, философ ты наш... доморощенный! Слушай, поел – иди спать.

– А по рюмочке? Под колбаску? Ты ж обещал.

– Наливай, где наша не пропадала!..

2

Они не ввали Ирине насчет того, что с утра собирались отправляться к генеральному прокурору. Просто необходимости пока в этом не было, и друзья ограничились визитом к заместителю генерального – к Константину Дмитриевичу Меркулову. Он и ознакомился бегло с составленным таки Турецким планом расследования. И принял его за основу. Попросил только подработать отдельные пункты – это на тот случай, если генеральный действительно захочет взглянуть на план, хотя вряд ли. Но в нашей жизни суматошной все может случиться.

Ну, например, позвонит ему кто-нибудь сверху, скажем, из Кремля, и поинтересуется, как продвигается расследование. Должен ведь генеральный прокурор быть постоянно в курсе того, чем занимаются его следователи, тем более собственный старший помощник, которому и поручено это дело? Вот он взглянет на листок бумаги, где все красиво и четко расписано, и ответит, что дело движется, что расследуются сразу несколько рабочих версий, и уж одна из них, несомненно, приведет к удаче. Вопрос лишь во времени.

А потом, нельзя забывать, что мастерски составленный план расследования, в котором перечислены и обоснованы различные версии, в обязательном порядке дисциплинирует сам процесс следственных мероприятий. Недаром же Александра Борисовича в свое время, это когда он бегал еще в следователях, нередко именовали мастером версий. Уж что-что, а на составление версий он был действительно способен в высшей степени. И этот момент тоже фактически всем известен, а значит, и не подлежит сомнению.

Косте «полоскать мозги» не было нужды, но план и для него являлся основой основ, иначе как же защищать некоторые, иной раз даже слегка сомнительные, действия своих подчиненных? А так все проводится в соответствии, ну, может, где-то допустили легкий перегиб, но это дело всегда поправимо. В конце концов, это была их общая большая и серьезная, высокопрофессиональная игра, если угодно, у которой были свои правила, и их требовалось соблюдать, иначе игра без правил могла бы завести бог знает куда. Сейчас правила соблюдались четко, и Меркулов был доволен.

– Исправь, перепечатай и один экземпляр мне на стол, – сказал он, возвращая исписанный и исчерканный лист Турецкому. В принципе Меркулов мало что исправил в тексте, он просто уточнил и сделал менее жесткими и категоричными некоторые обоснования тезисов. А так, в сущности, все было куда как ясно и понятно. И не зря встречался Турецкий с «общим другом», который обещал при расставании, что, если откроется еще что-то новенькое, немедленно дать об этом знать Александру Борисовичу.

– Ну собирай свою команду, – посоветовал Меркулов, – ставь конкретные задачи каждому, а я тебя учить не собираюсь. Только еще раз предупреди, что дело на контроле там. – Он поднял глаза к потолку. – Вячеслав, ты все-таки по-товарищески сдерживай его. Вы тут расписали так, что, по прикидкам, целому полку следователей бегать...

– Это только кажется, Костя, – заметил Турецкий. – Несколько версий. Если понадобится еще человек, я скажу, а так думаю, что сами справимся. Этот Климов мне понравился, нормальный мужик, сработаемся, а за Небылицына Славка мазу держит. Так что пока все тип-топ.

– Фу! – Меркулов поморщился. – Когда ты отучишься от своей треклятой «фени»? Взрослый ведь уже мальчик-то!

Грязнов довольно расхохотался – уел Саню шеф, но Турецкий посмотрел с недоумением:

– Что, вам уже «тип-топ» не нравится? Это что-то в нашем доме новенькое! Если так пойдет и дальше, я напишу прошение об отставке, и пусть Кудрявцев, – он имел в виду генерального прокурора, – посмеет не наложить резолюции «освободить» – я такое газетчикам расскажу, что вы все за голову схватитесь, радители чистой речи!

– Фантомас, понимаешь, разбушевался! – улыбнулся Меркулов. – Раннее утро, а они спектакль тут разыгрывают! Работать надо! Между прочим, к вашему сведению, с одним из учредителей известной вам компании «Анализ», неким Сергеем Анисимовичем Баркановым, который изволит заседать в Совете Федерации в роли представителя одного маленького, но гордого кавказского народа, я договорился вчера, когда был там, у них. Он либо сегодня, либо, самое позднее, завтра готов встретиться с кем-нибудь из вас, чтобы посвятить в историю этого «Анализа». Потому что другими путями вы все равно правды не добьетесь. А я, кажется, сумел объяснить ему, что от его искренности зависит во многом и судьба самой компании, где он по-прежнему числится учредителем. Вот тут он мне вручил свою визитную карточку, на которой есть все необходимые телефоны. Кто поедет? – Меркулов поочередно взглянул на Грязнова и Турецкого.

– Саня, – сказал Вячеслав Иванович. – Представительствовать – это больше по его части, а у меня и свои дела найдутся.

– На, созвонись сегодня обязательно, а то этот скользкий, по-моему, тип что-то говорил о какой-то своей поездке к избирателям. – Меркулов протянул визитку Сане. – Мне показалось, что он как будто чего-то испугался, когда я заговорил об «Анализе» и истории создания этой компании. А может, просто показалось. Второй-то учредитель – Эдуард Джичоев, который сменил на этом посту бывшего теперь уже хозяина фирмы, давно отбывшего в Израиль, некоего Льва Латвина, – вообще не появляется в Москве, а «руководит» компанией из своего дома на Кавказе.

– Фирма, значит, кавказского происхождения? – удивился Турецкий, вспомнивший, что в досье об этом тоже ничего сказано не было, хотя фамилии учредителей, и прежних и настоящих, там названы.

– Обо всем этом Барканов тебе расскажет сам, только не упusti его. А что я думаю? – Меркулов усмехнулся и поворошил пятерней свои седые волосы. – Она возникла-то в начале девяностых. А тогда многие появившиеся, будто грибы после дождя, московские фирмы являлись прежде всего удобным способом для отмыывания ранее накопленных средств. Ну, добытых к тому времени разными путями, в том числе и нечистыми, преступными – тут никакой тайны нет. И большинство из них поначалу было именно кавказского происхождения. Да чего теперь вспоминать? Одни чеченские банки чего всем нам стоили, вспомните! Мне ли вам рассказывать? Видимо, и «Анализ» из тех же закромов выплыл. Хотя Латвин, кажется, был коренным москвичом. Но Барканов, как первый учредитель, знает, конечно, больше. Вот и воспользуйся, Саня, его знаниями. Все, ребятки, свободны. У меня дела...

Они покинули кабинет заместителя генерального прокурора. В приемной на них с самой благожелательной улыбкой смотрела меркуловская секретарша Клавдия Сергеевна. Давно уже она не видела двоих друзей вместе.

Они задержались возле ее стола, чтобы улыбнуться и сказать женщине, не растерявшей, несмотря на возраст – все-таки к полтиннику дело подходило! – своих дамских прелестей, что она держится молодцом и по-прежнему вызывает у них, постаревших бонвиванов, неизменно теплые чувства.

Уж Грязнов-то знал, какие ответные чувства испытывает эта незамужняя женщина к Сашеньке Турецкому. Он вообще много знал, хотя о своих «приключениях» Саня ему не рассказывал, но иной раз какое слово сорвется или взгляд выдаст, вот и информация. И о том, что было между Саней и Клавдией, когда она была помоложе, более собранной, статной, упругой и завлекательной в своем желании обязательно обаять Турецкого, Грязнов тоже догадывался. Все было, и даже не вчера, а бог весть когда, так что ж теперь и вспоминать? Поэтому, поговорив немного и высказав женщине массу приятных комплиментов, друзья покинули приемную.

– Смотри-ка, Саня, а Клавдия до сих пор так вся и светится при виде тебя. К чему бы это? – закинул удочку Грязнов.

– Чудак, да это ж она на тебя смотрела! А как на мой вкус, рыхловатой, кажется, становится девушка.

– Ты неправ, старик. Я тебе готов напомнить твой же анекдот о том, что именно женщина, которая думает, что это, – Грязнов изобразил руками нечто крупное и объемное, – у нее в последний раз, такое вытворяет, что можно с ума сойти.

– Может быть, все может быть, – быстро и как о постороннем ответил Турецкий. – Ты мне вот что скажи, когда это Костя успел переговорить с этим Баркановым, да? Мы ж вчера еще фактически мало что знали. Вот артист!

– Но ты действительно не упusti его, – становясь серьезным, ответил Грязнов. – А лучше поезжай-ка туда сам, без звонка, так будет вернее. На контроле тебя никто останавливать не будет. А я соберу наших ребят и пройду с ними по плану, чтоб не терять зря времени, ладно?

Это был хороший вариант. Турецкий отдал Грязнову ключ от своего кабинета, а сам пошел по лестнице вниз. Транспортom он пользоваться не собирался, поскольку от здания Генеральной прокуратуры на Большой Дмитровке до здания Совета Федерации на той же улице было пять минут ходьбы, причем ленивым шагом.

...Сергей Анисимович Барканов сидел в своем небольшом кабинете и был чрезвычайно удивлен, когда узнал, что к нему прибыл сам помощник генерального прокурора и вежливо, через секретаршу, просит аудиенции.

Барканов вспомнил, что вчера уже разговаривал с заместителем генерального прокурора по поводу дел, касавшихся учреждения фирмы «Анализ», и, честно говоря, решил, что на этом дело и закончилось. А свое обещание встретиться и поговорить с этим Турецким – кажется, так Полина назвала фамилию гостя – счел скорее знаком вежливости, не более. И вот он здесь...

Нет, у Барканова были кое-какие дела, конечно, как у всякого представителя региона в Совете Федерации, но сегодня, на вечернем заседании, будут рассматриваться вопросы, к которым лично он имеет второстепенное отношение, и специально готовиться, или читать с карандашом материалы не было особой нужды. Но это внезапное вторжение как бы в чем-то нарушало его планы, которых тоже, в сущности, не было. Черт его знает, как быть? Отказать, сославшись на занятость? Ведь он уже говорил, кажется, Меркулову, что собирается срочно отбыть на родину, к своим избирателям, чтобы там решать некоторые неотложные вопросы, но именно это обстоятельство и стало причиной особой настойчивости этого Меркулова.

Нехорошо получилось. Надо же, прибыл без звонка! Так деловые люди, между прочим, не поступают! Вот! Вот где кроется причина для вежливого отказа!..

«Маленький, но гордый народ...» – размышлял тем временем Турецкий, ожидая в приемной ответа «парламентария». Он, видите ли, просил немного подождать, чтобы иметь возможность привести на столе дела в порядок, неудобно при ответственном госте. А сам наверняка сидит и размышляет, как бы половчее смыться. Но это у него теперь не получится, раньше надо было думать. Турецкий уже имел в голове аргумент, который мог бы заставить этого Барканова стать приветливым и ласковым, хоть он и член Совета Федерации. Но тут этих членов сидит столько, что на всех слуг не напасешься, и кормятся они, между прочим, на деньги избирателей, а не на свои собственные. Нет, есть аргументы – и мягкие, и жесткие, если требуется.

Наконец раздался писк интеркома. Секретарша сняла трубку, посмотрела на Турецкого и изысканно-вежливо, улыбаясь, предложила ему пройти в кабинет господина Барканова. И здесь уже сплошные господа! Ну ничего, от того, как он желает называть себя, зависит исключительно его собственное настроение, не больше. На дело это не повлияет. А надо будет, так и члена Совета Федерации можно прижать к ногтю. Закон – он для всех закон, даже для маленьких, но гордых представителей отдельных регионов.

Турецкий усмехнулся: чего это он себя заранее заводит? Ведь шел сюда без всяких задних мыслей. И вовсе не злился, а, напротив, расположил себя мысленно к откровенной и последовательной беседе. А может, это «наведение порядка на рабочем столе» стало таким неожиданным раздражителем?

Странно, но, видимо, собственное раздражение уже сыграло свою роль – Барканов ему не понравился сразу. Невысокий – это было видно, когда тот привстал, протянув руку для приветствия, – с круглой безволосой головой и плоским лицом, но при этом нос у него был с явной горбинкой, а невыразительный взгляд чуть раскосых маленьких глаз сверлил буравчиками. Он не нес на себе определенных черт какой-то конкретной национальности, здесь, похоже, было столько намешано, что Барканов и сам вряд ли смог бы объяснить, откуда родом его предки.

Предупреждая вопрос, он с ходу сказал:

– Да, я помню, что дал обещание господину Меркулову, так? Что встречусь с вами. Но вы пришли без звонка, а у меня не все готово к вечернему заседанию, поэтому прошу меня извинить, много времени я вам подарить не могу. Если это вас устроит, господин Турецкий, так?

«Ишь ты, подарить! А нужны ли мне его подарки?» – опять стала почему-то закипать злость, но Александр Борисович наступил на горло «собственной песне».

– Я не думаю, что отниму у вас много времени, хотя это будет зависеть в какой-то степени, – тут Турецкий широко и приветливо, как он это умел даже тогда, когда все кипело внутри, улыбнулся, – от вашего желания помочь делу. А если вам в этом вопросе понадобится

моя помощь, то я готов прямо сейчас вместе с вами пройти к спикеру Совфеда и объяснить ему, с какой целью мне пришлось вас побеспокоить. Я почти уверен, что господин спикер, узнав, что расследуется громкое дело об убийстве генерал-полковника ФСБ в отставке Порубова, ответственного сотрудника фирмы «Анализ», учредителем и, стало быть, одним из хозяев которой вы являетесь, и следствие по делу которого нам поручено в Кремле, охотно разрешит вам использовать ваше дорогое служебное время для дачи показаний первому помощнику генерального прокурора, то бишь мне, как вы понимаете. Думаю, что таким образом помогу вам в этом вопросе освободить для меня столько времени, сколько потребуется для дела. У вас иное мнение, простите? – Турецкий снова ослепительно улыбнулся.

Барканов был мрачен – такого поворота он, вероятно, никак не ожидал.

– Ну так как вы решили, господин сенатор? – Турецкий специально не назвал его по имени-отчеству, подчеркнув этим неумолимую официальность своей позиции.

– Я думаю, нет нужды беспокоить спикера... А вы, – он натянуто улыбнулся, – можете начать задавать свои вопросы, время, как сегодня говорят, пошло. Чай или кофе желаете?

– Лучше минеральная вода.

Барканов нажал клавишу интеркома:

– Полина, бутылочку минеральной, похолодней, и парочку стаканчиков, – подумал и добавил: – Пожалуйста.

«Да, – подумал Турецкий, – вежливости вас еще учить и учить...»

Он сразу предупредил Сергея Анисимовича – теперь, когда акценты расставлены, можно было называть его и так – о том, что, поскольку разговор не является обычной дружеской беседой, а должен выглядеть как официальные показания, правда, пока без протокола, он хотел бы воспользоваться помощью диктофона. Затем запись будет расшифрована и передана для прочтения господину Барканову, после чего станет уже официальным документом.

Барканов же, несмотря на свою простецкую этакую невзрачность, оказался, однако, докой по части всякого рода протоколов и немедленно потребовал чуть ли не официального подтверждения того, что без его личной подписи записи беседы не будут считаться его показаниями. Турецкий пообещал, что предваряющей их разговор фразой будет именно эта – о предварительном прочтении и соответствующих подписях, что немедленно и сделал, включив диктофон и внятно продиктовав в микрофон, где в настоящее время находится и по какому поводу. Ну а затем и все остальное касательно законности этих записей. Барканов был удовлетворен, словно первой собственной победой в нелегком состязании. А ведь Александр Борисович и не собирался его провоцировать, ему нужны были просто факты, обыкновенные факты, которые прозвучали бы, как говорится, из первых уст....

Разговор, точнее, монолог Барканова длился что-то около получаса. За это время Турецкий постарался ни разу не перебить его, чтобы тот не потерял нить своего рассказа. А слушать было что, тем более что с кое-какими фактами Александр Борисович был уже знаком из справки, предоставленной ему Генрихом.

3

История становления фирмы «Анализ» начиналась непросто. Хотя в какой-то степени и типично для своего времени. В общих чертах, если отбросить в сторону отступления и оправдания Сергея Анисимовича, старавшегося сейчас показать свою роль в этой фирме как не главную, а скорее второстепенную, будто он стеснялся в этом смысле публичности, не желал для себя рекламы, пальму первенства в этом деле он безусловно отдавал Льву Борисовичу Латвину. Это был его приятель и коллега в те годы, когда они оба были молодыми и работали в горьком комсомола крупнейшего подмосковного города Подольска, известного своей мощной промышленностью.

В начале перестройки, то есть где-то со второй половины восьмидесятых годов, они, настойчиво учившиеся в ту пору с умом и выгодой пользоваться даже той небольшой властью, которой обладали, а также наработанными связями и контактами с людьми, занимающими крупные посты в органах власти и на производстве, провели в жизнь ряд незначительных проектов, на которых сумели заработать свои первые «приличные» деньги. Это была поначалу в основном посредническая деятельность. Заключали договоры с предприятиями, благо их в городе и его окрестностях хватало предостаточно, находили нужных людей, брали кредиты в коммерческих банках, расплодившихся, словно тараканы, отыскивали выгодных покупателей, которым затем и перепродавали продукцию, заполнявшую заводские склады. Разница в цене шла в карман, а также на дальнейшее укрепление связей – как в одну, так и в другую сторону. Тут объяснять не надо, и без того понятно, что если ты, к примеру, не подмажешь заводское руководство, то не получишь продукцию, а не отстегнешь своему дилеру, не продашь с выгодой. Кроме того, нежелательно было и ссориться с банками, щедро выдающими кредиты своим, «проверенным» людям.

Ничего постыдного или тем более незаконного теперь Сергей Анисимович в своих тогдашних действиях не видел. В стране безудержными шагами двигалась перестройка, создавались бесчисленные мелкие и крупные кооперативы, фирмы, страховые компании, некоторые не выдерживали конкуренции, другие находили свои пути, создавали собственные ниши, – короче, молодежь с активной жизненной позицией училась подлинной рыночной экономике, что называется, на ходу, на бегу, в самой гуще ожесточенной конкурентной борьбы. Это именно о ней, кстати, советские экономисты писали как о раковой опухоли гнивающего капитализма. А тогда приходилось срочно переучиваться и осваивать новые знания в ежедневной практике. И эта самая практика, естественно, соприкасалась, входила в противоречие либо, наоборот, искала пути сближения ради собственной защиты с правоохранительными, налоговыми, финансовыми службами, с одной стороны, а также – чего греха таить? – и с криминалом, стремившимся подмять под себя еще незрелый и совершающий множество тактических и стратегических ошибок бизнес. Другими словами, приходилось крутиться, словно ужом на горячей сковороде. И платить, платить, платить...

Но через несколько лет совместной коммерческой деятельности, когда у молодых и решительных людей уже накопились и средства, и определенный опыт существования в жестком мире бизнеса, где новые опасности, неведомые прежде, поджидали их на каждом шагу, они подошли к идее создания финансовой фирмы «Анализ», которая должна была специализироваться на инвестировании и управлении крупными предприятиями и фирмами.

Это была уже первая половина девяностых годов, когда безудержная, дикая, как ее позже назовут, приватизация шла полным ходом, порождая всевозможных монстров, скупавших за бесценок недавно еще действующие предприятия и превращая их – по праву нового собственника – в развлекательные центры с бесчисленными ресторанами, казино, помещениями для игровых автоматов, саунами и всем прочим, что не имело ничего общего с теми духовными ценностями, которые так долго и настойчиво проповедовал рухнувший в одночасье социализм.

И снова показалось Турецкому, что в словах Барканова прозвучала как бы нотка сожаления и самооправдания: мол, мы, молодые, тогда не были ни в чем виноваты, так сложились обстоятельства, судьба, значит, такая, уготованная нам старшими поколениями.

Что мог бы ответить на это Турецкий? Да, он тоже отчетливо помнил то время, потому что уже работал в прокуратуре, и свой выбор определял не количеством «приличных» карманных денег, а четкой идеей того, что преступник не должен разгуливать на свободе и наказание за совершенное преступление должно стать неминуемым. А все эти оправдания, типа того, что старшие сами поставили молодежь в такую ситуацию, вранье чистой воды. Александр Борисович лично видел этих молодых хищников, в том числе и из окружения президента, яростно

терзавших неповоротливую тушу Страны Советов, и никогда не завидовал им, не стремился подражать...

Итак, возник «Анализ». Сперва небольшая фирма, которая занималась тем, что, пользуясь уже давно наработанными, крепкими связями и в финансовых структурах, и в экономическом мире, находила выгодные варианты для сделок и проводила их в жизнь. То, чем они когда-то занимались на уровне одного предприятия или даже небольшого сравнительно города, теперь осуществлялось на уровне всей страны, с привлечением западных инвесторов, крупнейших банков и опытейших юридических фирм. Финансовая группа «Анализ», как она теперь стала именовать себя, в настоящее время занимала одно из ведущих мест на российском рынке. И всего этого добились, по существу, несколько человек, объединенных умом и волей Льва Латвина, а также – скромность тут ни при чем – деловой хваткой Сергея Барканова.

Но, к сожалению, Лев Борисович – исключительно по семейным, то есть сугубо личным, обстоятельствам – пожелал расстаться с собственным детищем и выгодно продал свои акции известному предпринимателю с Северного Кавказа. Этот Эдуард Алиевич Джичоев обычно проживает у себя на родине, в Дагестане, но иногда приезжает и в Москву, где у него есть особняк в районе Успенского шоссе. Сам Барканов против этой акции не возражал, он понимал, что у Левы могли быть серьезные личные мотивы, в то время как Джичоев обещал в конкретные дела «Анализа» не вмешиваться.

За годы работы в фирме сложился крепкий и способный коллектив, которому по плечу задачи высокой юридической и экономической сложности.

Естественно, когда фирмы подобного рода выходят на рынок, у них возникает множество самых различных конкурентов. Не избежал этой конкурентной борьбы за годы своего существования и «Анализ». Всякое случалось за последние восемь – десять лет. Но и в этом вопросе фирме, можно сказать, повезло.

В свое время Латвин, которого в качестве эксперта стали приглашать на ответственные экономические совещания, включая и те, которые проходили в Кремле, познакомился с окружением первого российского президента. Оказывал некоторые услуги, сам пользовался советами и рекомендациями людей, близких к первому лицу государства. С их же помощью ему удалось решить и один из важнейших вопросов, связанных с безопасностью своего детища.

Как раз в начале девяносто шестого года вышел на пенсию один из ответственных работников Федеральной службы безопасности, генерал-полковник Порубов, и Николай Алексеевич Коротков, бывший тогда начальником Службы безопасности президента, посоветовал Латвину взять молодого пенсионера к себе на работу. Просьба это была, дружеский совет или прямое указание, даже сам Барканов не знал. Просто однажды Лева представил нового работника – моложавого и подтянутого генерала – и сказал, какие функции он будет в их холдинге отныне исполнять.

Поначалу должность Порубова называлась просто – консультант. Но спустя несколько лет Виктор Альбертович занял кабинет начальника службы безопасности компании «Анализ». И на этом посту оставался до последнего своего часа, то есть до его недавней, такой нелепой и огорчительной гибели.

Турецкий поинтересовался, какую зарплату получал Порубов. На это Барканов как-то неохотно ответил, что Виктор Альбертович хорошо работал, следовательно, и получал также хорошо.

Вот, собственно, и все, что можно ответить на вопрос, заданный помощником генерального прокурора.

А чем конкретно занимался Порубов? Вероятно, для людей, знакомых с формами и методами действий подобных компаний, тайн тут никаких особых нет. Основной задачей как консультаций, так и обеспечения безопасности проводимых фирмами мероприятий является прежде всего, говоря современным языком, «разруливание» сложных ситуаций.

Не секрет, что каждая крупная компания, группа фирм, куда входят и юридические конторы, и коммерческие банки, объединенные в холдинг, как в данном случае «Анализ», нуждаются в так называемой «крыше». Ну, условно говоря, тому же генералу Порубову пришлось взвалить на свои плечи роль защитника холдинга не только от «наезжающих» бандитов, рэкетиров, прочих криминальных деятелей, но и в немалой, если не в большей, степени от своих прежних коллег – из различных структур налоговой полиции и налоговой инспекции, от «силовиков», от органов МВД и ФСБ, от различных структур прокуратуры. Ведь желающих «завалять» крупную, «жирную» компанию, приписать ей всевозможные злодеяния, вроде неуплаты налогов, найдется немало. И со всеми такими «представителями» надо уметь грамотно разговаривать.

Вероятно, в качестве консультанта Виктор Альбертович умел находить с ними со всеми – от преступников до «силовиков» – общий язык. Во всяком случае, ни крупных наездов, ни иных неприятностей за последние годы у фирмы не было. Кажется, Порубов в некоторых кругах даже проходил под оригинальной кличкой – Консультант. Но это, скорее, из области сплетен либо домыслов.

О каких-либо конкретных делах, а точнее, «разруливаниях» бывшего генерала Барканов сообщить отказался, поскольку, по его словам, был не в курсе дела. Разве что о двух последних событиях он мог поведать. Но абсолютно не касаясь в настоящее время дел компании: работая в Совете Федерации, парламентарий Барканов, естественно, не мог, да и не имел права, заниматься еще и делами собственной фирмы, но он слышал о том, что на фирме недавно приключились две неприятности. И связаны они были, как ни странно, именно с вопросами, за которые отвечал сам Порубов.

Буквально за месяц до нелепой гибели генерала компания попала-таки в криминальную хронику. В подвале здания на Рогожском Валу, в котором расположен главный ее офис, было найдено мощное взрывное устройство. Но паники, к счастью и в немалой степени благодаря личному мужеству и ответственности Виктора Альбертовича, удалось избежать и взрыв благополучно предотвратить. Прибывшие специалисты-взрывотехники из Федеральной службы безопасности провели определенную работу, и взрывное устройство, которое, по мнению экспертов, установила здесь опытная профессиональная рука, было благополучно обезврежено. Подробности, кстати, можно посмотреть в молодежной прессе, которой до всего есть дело, особенно до событий подобного рода.

А совсем недавно, рассказывали, в джип, на котором обычно ездил Виктор Альбертович, кто-то запустил кирпичом и разбил вдребезги лобовое стекло. К счастью, ни водитель, ни пассажир не пострадали. При этом Виктор Альбертович заявил сотрудникам, что примерно догадывается, чьих это могло быть рук дело. К сожалению, его подозрение так и осталось всего лишь подозрением, не больше, а фамилий подозреваемых он тогда не назвал.

Если у следствия возникнут еще вопросы, касающиеся конкретных вопросов деятельности компании, Сергей Анисимович посоветовал обратиться к исполнительному директору Алексею Владимировичу Олейнику, которому, как говорится, и карты в руки.

Барканов выразил откровенное облегчение, когда Турецкий наконец остановил запись и повторил, что расшифровка будет не позднее завтрашнего дня представлена для прочтения и подписи.

А на вопрос, как найти Джичоева, Барканов ответил, что этот вопрос труден даже для него, соучредителя, ибо поступки Эдуарда Алиевича для него часто бывают непредсказуемыми. Однако телефоны – и подмосковный, и в Махачкале – он тем не менее продиктовал.

Еще он добавил, что в одной из «желтых» газет, охотно смакующих подробности всяких преступлений, к его, Барканова, личному огорчению, промелькнула фраза о том, что гибель бывшего генерала госбезопасности вполне могла явиться следствием обострения отношений в руководстве компании. К сожалению, сказано она была сыном Порубова – Юрием, но на каких

фактах тот основывался, никому неизвестно, сам Барканов с молодым человеком не разговаривал, однако, по его сведениям, Эдуарду это публичное заявление очень не понравилось. Нет в компании конфликтов! Тем более такого рода. А что ему самому мешало поговорить с Юрием, Сергей Анисимович так и не объяснил – видимо, занятость. Тяжек труд парламентария...

Он встал из-за стола, чтобы проводить Турецкого до двери, и растекся в такой безнадежно-усталой улыбке, словно был уверен, что они видятся в первый и обязательно в последний раз. «Исповедь», похоже, забрала у этого послушного сенатора последние силы.

4

Владимир Небылицын рассказал Грязнову о том, в каком тоне и вообще о чем велся телефонный разговор с мадам Порубовой. Иными словами, информации практически никакой, а гонору столько, будто дамочку оторвали как минимум от важнейших государственных дел. Хотя и от Татьяны, сестры Копыловой, было уже известно, что ее тезка Татьяна Григорьевна как вышла замуж в свое время, то есть, считай, тридцать пять лет назад, за офицера из Комитета госбезопасности, так нигде и никогда больше не работала. С чего ему быть, гоноруту? Или слишком рано генеральшей стала?

Да, майору милиции Небылицыну трудно или почти невозможно было разговаривать с такими «клиентками», но, поскольку «семейная версия» все же имела в утвержденном Меркуловым плане, ее надо было тщательно отрабатывать. Вот и отправил Вячеслав Иванович Владимира по знакомым и соседям новой семьи Порубова – те сведения, что они со следователем Климовым успели накопать по горячим следам, никуда не годились, несмотря на все грязновское к ним уважение. А сам он поехал по адресу первой супруги генерала.

Он рассчитывал на свое умение находить общий язык с женщинами старше среднего возраста, с определенными амбициями, продиктованными им условиями их жизни, и вообще обиженными отдельными неурядицами. Побег генерала из семьи вполне можно было отнести к разряду именно неурядиц – такая постановка вопроса наверняка устроила бы новоиспеченную вдову.

И Грязнов не ошибся.

Для особой представительности он даже обрядился в свой парадный генеральский мундир, который сидел на его плотной и сильной фигуре словно влитой. А бывшие когда-то огненно-рыжими, ныне же редкие пегие уже пряди кудрей Вячеслав Иванович аккуратно уложил, прикрыв лысину и закрепив их в этом положении с помощью геля для волос. Что ж, иногда приходилось поступать и против собственных привычек – достижение истины тоже ведь порой не обходится без моральных жертв. Увидев его в таком «шикарном» виде, Саня наверняка бы схватился за живот, да Вячеслав и сам бы в охотку посмеялся над собой вместе с ним. Но сейчас внешнее впечатление было для него важнее всего – одним из условий успешного выполнения задания.

И он угадал. Представившись, он изысканно-вежливо осведомился у поднявшей трубку женщины с низким и властным голосом, не смог бы он нарушить ее печальное уединение для короткой, но важной беседы? Такой пассаж был, видимо, неожиданным для генеральши. Она, подумав, милостиво разрешила... надо полагать, нарушить. А что же еще?

Изысканный и пахнущий дорогим и действительно французским одеколоном, Вячеслав Иванович соорудил на физиономии скорбное выражение и с ним вошел в подъезд. Лифт, не исписанный похабщиной, доставил его на девятый этаж этого считавшегося элитным в свое время дома, где проживали вершители судеб государства, правда, не высшего, а среднего и выше среднего рангов. Фили считались одно время «райским», недоступным простым смертным районом, ничего не скажешь.

Дверь открыла крупная и рослая – пожалуй, на полголовы выше Грязнова – женщина с крашеными черными волосами, уложенными в несколько старомодную, но идущую ей прическу, с большими голубыми глазами и узкой полоской плотно сжатых губ. Она готовилась к встрече и потому была не в домашней одежде, а одета так, будто собиралась выйти на улицу. Средней длины юбка в обтяжку выгодно подчеркивала ее телесные достоинства, коих, если приглядеться, было немало. Полные ноги, открытые чуть выше колен, в тугих и явно дорогих чулках, на высоких каблукках выглядели, можно сказать, очень аппетитно. Кофта с короткими рукавами, обтягивающая грудь, оставляла открытыми пухлые руки, казавшиеся неестественными матово-белыми. Таким же, впрочем, было и лицо, лишь на упругих щеках покрытое тонким слоем искусственного загара, как успел заметить Грязнов, когда его пригласили, не снимая обуви, пройти в гостиную, к столу.

Вероятно, мадам увидела промелькнувшее в глазах гостя восхищение, и это ее, кажется, немного смягчило. Или смутило? А оно так и было – женщина, как в иной ситуации с юмором заметил бы Вячеслав Иванович, была практически стопроцентно в его вкусе, а главное, его любимого размера. И потому, сама того не подозревая, Татьяна Григорьевна сдалась прежде, чем успела даже подумать о каких-либо перспективах, когда увидела этот мимолетный восторг во взгляде крепкого, «матерого» мужика, который с большим достоинством выражал ей свое глубокое соболезнование, а глаза его в это же время стремительно «ощупывали» ее вмиг напрягшееся тело. И этот момент тоже отметил про себя Грязнов, полагая теперь, что разговор обязательно состоится, а уж будет ли он душевным и продолжительным или просто обыкновенной дружеской беседой случайно познакомившихся людей, это – не самое главное. Всегда можно перевести стрелку общения из одной категории в другую, если к тому появится определенная потенция. В смысле обоюдное желание.

Но это все – сопутствующее, он же не забывал того, ради чего явился. А пришел он, чтобы подтвердить либо опровергнуть версию о том, что Порубов мог стать жертвой «убийственной ревности» оставленной им супруги. И здесь Вячеславу Ивановичу было бы недостаточно аргументов, полученных тем или иным путем от самой женщины, конечно же пострадавшей от неверности ее мужа. Да наверняка и не стала бы она в данный момент рассказывать, в общем-то, постороннему человеку о своей поруганной любви. Но зато это вместо нее могли бы поведать ее дети. Они – люди достаточно взрослые, история, видимо, разворачивалась на их глазах. И, возможно, от их искренности – а уж ее-то мог бы отличить Вячеслав Иванович от любых подделок подобного рода – зависел правдивый ответ: было или не было.

И еще он подумал, что разговоры на эту, не самую приятную, тему лучше вести, когда вся семья соберется вместе. В компании, как это ни странно, врать труднее. Сложнее создать из себя самого образ правдолюбца. И это тоже понимал Грязнов. Один на один это сделать гораздо легче, конечно, если не нарвешься на профессионала. А Вячеслав Иванович в таких вопросах дилетантом точно не был.

Но сейчас перед ним сидела откровенно обеспокоенная женщина, вся властная твердость которой куда-то испарилась, пока она шла впереди Грязнова, приглашая его в гостиную. Татьяна Григорьевна как-то нервно теребила ухоженными пальцами с длинными сиреневыми, в блестках, ногтями – вот ведь, хоть и беда в доме, а маникюр свежий! – скатерть на столе. Грудь ее неравномерно вздымалась. Взгляд словно шарил по столу в поисках чего-то. Словом, беспокойство определенно овладело ею. И она, сильная, видно, женщина, отчасти даже и с командирским характером, как будто немного растерялась.

Грязнов задал вопрос: почему? Она что, как та кошка, которая чует, чье мясо съела? Возможно и то, что она, уже переговорив с какими-то там следователями-мальчишками, по ее мнению, решила, что все подозрения, которые могли бы возникнуть в отношении ее, уже развеялись? А теперь вдруг явился генерал, и с ним не поиграешь, как с теми, не накричишь, не нагрубишь, – вот отсюда и некоторая растерянность? Вполне, к сожалению, может быть.

Вячеслав Иванович даже на миг пожалел ее – такую всю крепкую, сильную, симпатичную, с которой, даже в ее возрасте, совсем еще не поздно заниматься любовью, наслаждаться и дарить ей наслаждение, а не приставать с допросами – жесткими и, вероятно, оскорбительными. Но... такова жизнь: один убегает, другой догоняет, и с совершенно определенной целью.

Грязнов продолжительно вздохнул по поводу своих тайных мыслей и услышал в ответ точно такой же продолжительный вздох. Он едва не вздрогнул, уставился женщине в глаза и вдруг увидел, как ее встречный взгляд словно замылился, расплылся, потерял четкость, а по щекам ее быстро пробежали несколько слезинок, оставив в искусственном румянце заметные дорожки.

Вячеслав Иванович осторожно протянул руку и положил ладонь на ее вздрогнувшие пальцы. И этого ласкового, словно успокаивающего, жеста хватило для того, чтобы Татьяна Григорьевна уронила голову на его руку и зарыдала, громко и по-детски всхлипывая носом.

Наконец Татьяна Григорьевна подняла голову, смущенно посмотрела на гостя и сказала:

– Простите меня... пожалуйста. Я сама от себя не ожидала. Все время – одна, понимаете, Вячеслав Иванович? Одна... Дети взрослые, они так не переживают, они вообще восприняли его смерть как неизбежный факт... Долго не был, давно не виделись... Словно бы уехал в другой город, в другую страну... и пропал.

– Мне бы хотелось и с ними поговорить... если вы позволите, – негромко сказал Грязнов.

– Это ваше право, как я могу возражать? Но они будут только вечером. Юра – на работе, а Света – в институте. Вам придется долго ждать... Может, я сама могу вам как-то помочь?

Голос был тихий и жалобный. Таким тоном гостя не выпроваживают, а, наоборот, как бы сообщают, что ему сочувствуют и желают видеть.

Грязнов, правда, не удивился и как ни в чем не бывало поинтересовался:

– А вы его очень любили?

– Теперь уже не знаю, – помолчав, ответила она. – Раньше готова была убить. Даже планы мести строила. Но он не давал повода, понимаете? Он продолжал присылать с порученцем деньги. Большие деньги. В коротких записках передавал советы по тому или иному вопросу. Но не приезжал, не звонил. Словно исчез из жизни. Однако я все время как-то интуитивно, посторонне, чувствовала его присутствие где-то поблизости. И – чего греха таить? – ждала. Думала, опомнится. Я ведь могу его понять – куда мне против его молодой жены? Старая вешалка! – горько усмехнулась она.

– Вы неправы, – негромко прервал ее монолог Грязнов. – Не надо унижать себя. Возможно, в какой-то момент вы оба почувствовали, что просто надоели друг другу, и ваши отношения потеряли новизну. А отсюда и его выходки. Недаром же говорят: седина в голову – бес в ребро. Не нами придумано. Но вы ведь все время продолжали ждать его?

– Поначалу да. А потом и сама остыла. И ненависть за измену прошла. Осталась... как бы сказать поточнее? Неприязнь, пожалуй, да. Я подумала, что надо жить, потому что есть дети, которым я еще, кажется, нужна. И он им нужен. А если я ужесточу свои позиции в отношении его самого и новой его семьи, мои дети могут его окончательно потерять.

– Но ведь вы же, насколько мне известно, – опять извините, я пользуюсь, вероятно, не самыми надежными источниками, – вы же не согласились дать ему развод? Значит, на что-то надеялись?

– Бог с вами, Вячеслав Иванович! Кто вам сказал такую чушь?! Да я первая и предложила ему развод, как только узнала, что эта его... мадам, ну бывшая студентка его, бросив каких-то там своих обожателей, пустилась с ним во все тяжкие и у них будет ребенок. Это он сам отказался, мотивируя свой отказ тем, что хотел бы еще пожить так, в свободном браке, и проверить свои и ее чувства. Странно, потому что буквально во всех делах он казался мне мужчиной решительным и не терпевшим проволочек. А тут – такое... Ну я и промолчала.

– Странная постановка вопроса, правда? – спросил Грязнов.

– Знаете, Вячеслав Иванович, – немедленно возразила она, – я потом подумала и пришла к выводу, что, возможно, он по-своему прав. Скорее всего, он хотел проверить не свои чувства к ней, а ее – к себе. Насколько ее хватит ждать и терпеть, вот, видимо, в чем дело... Вам это может показаться странным, но я даже заужала его за такую постановку вопроса. И поняла наконец, что это у него действительно очень серьезно. Не мальчишеская сумбурная страсть и не старческая похоть. Он, в общем-то, был всегда цельный мужик, если это вам что-то скажет о нем.

– Наверное, более умной и точной характеристики еще ни одна жена на свете не давала своему мужу...

– Вы таким тоном это произнесли... А сами, простите, женаты?

– Был. Очень давно. Детей нет. Сперва воспитывал племянника, сына сестры, а потом он перерос дядьку и стал всерьез воспитывать меня. Так и живем, я – там, а он – там. – Грязнов кивнул головой в разные стороны. – Но это не мешает мне ворчать на него, а ему покорно сносить мое ворчание.

– Но вы, надеюсь, не перестали из-за этого уважать женщин? – В ее вопросе почудилась Вячеславу Ивановичу определенная лукавость.

– Я?! – сказал он таким голосом, будто его глубоко оскорбили. – Да при виде красивой женщины!.. – со страстью воскликнул он, оборвав себя, что называется, на полуфразе и с укоризной покачал головой. – Да как вам такое могло прийти в голову!

– Это я уже заметила, – весело парировала она, но тут же снова стала серьезной. – Боюсь, что ждать вам придется долго, а на ваше согласие, Вячеслав Иванович, я как-то не могу рассчитывать, мне неудобно просить вас скрасить мое одиночество. Но, может быть, я могу предложить вам выпить хотя бы чашку чая? Или кофе, что вам больше нравится? Или рюмочку? А потом вы мне расскажете, что же на самом деле там произошло. Я ведь только слухами питаюсь, да и то лишь теми, которые приносят дети.

– С удовольствием, Татьяна Григорьевна.

– Мне не хотелось бы тащить все сюда, вы не обидитесь, если я приглашу вас на кухню? Там мне уютнее. Кстати, вы можете снять свой блестящий мундир, и вообще почувствуйте себя, как дома... Ой, простите мою случайную оговорку! – смутилась она.

«Ну оговорка-то, пожалуй, точно по Фрейду», – с удовольствием подумал Грязнов и без возражений снял и повесил свой мундир на спинку стула. И вопросительно уставился на хозяйку в ожидании указания, куда идти.

– Хотите, я вам нашу квартиру покажу? – В ее вопросе не прозвучало никакой двусмысленности.

– С удовольствием, – снова, но уже чуть хриплым голосом ответил Грязнов и стыдливо откашлялся.

– Пойдемте. – Она взяла его под локоть и потянула за собой.

Они осмотрели комнаты ее дочери и сына, потом небольшую диванную – бывший рабочий кабинет хозяина, переделанный под комнату для гостей, как определила ее Татьяна Григорьевна. Наконец, она привела его и в свою спальню. Видимо, приберегла напоследок.

Вроде бы тоже ничего особенного, но здесь чувствовался какой-то необъяснимый уют. Спокойные тона обоев и мебели, немного женской бижутерии на подзеркальнике. Цветы в вазе на подоконнике. Легкие занавески, а за ними – чистое голубое небо, и никаких стен и окон соседних домов напротив. Очень удачно.

Грязнов подошел к окну, посмотрел, восхищенно покачал головой и обернулся к Татьяне Григорьевне. Та стояла у кровати и, подняв обе руки к шее, пыталась что-то сделать у себя на шее, сзади. Пуговицу, что ли, расстегнуть?

– Вам помочь? – шутливо осведомился он.

– Я пытаюсь, – чуть покраснев, объяснила она, – помассировать себе шейные позвонки... Но что-то не совсем получается.

– Нет проблем! – с чувством ответил Грязнов. – Я вам помогу.

Она странно посмотрела на него:

– Вы уверены, что сможете?

Непонятно прозвучала фраза.

Но Грязнова, как известного Остапа Бендера, уже «понесло»!

– Давайте, давайте, не стесняйтесь! Я вам сейчас такой массаж сделаю, что вы на всю жизнь запомните. Не удивляйтесь... Я и это умею тоже...

Стало вечереть. К приходу детей они оба сидели за столиком на кухне и пили кофе.

Татьяна представила им Грязнова, объяснила, какие важные причины привели его в их дом, и попросила Светлану и Юрия помочь Вячеславу Ивановичу – честно и откровенно ответить на все его вопросы.

Грязнов, естественно, уже успел рассказать ей о том, что было самому известно, исключая лишь те факты, над выяснением которых в настоящий момент работала следственно-оперативная группа.

Дети не добавили фактически ничего нового к тому, что уже рассказала ему сама Татьяна. Видно, эта тема уже обсуждалась в семье, и все пришли к единому решению, отступать от которого не хотели. Так что в данном случае была просто соблюдена обычная юридическая формальность.

Юрий заметил, что от совершенно посторонних людей слышал, будто бы в руководстве компании возникали в последнее время какие-то конфликты, но в существо их он не вдавался, а с отцом на эти темы, по естественным причинам, никогда с глазу на глаз не разговаривал. Все беседы велись по телефону, как если бы отец стеснялся смотреть своему сыну в глаза. Просто иногда Виктор Альбертович давал ему некоторые советы, касавшиеся тактики общения с партнерами, ну и еще пару раз помог уже конкретно, когда Юрию предложили свою «крышу» сперва солнцевские ребята, а затем местная милиция. В обоих случаях конфликт словно погас сам, на корню, не успев как следует разгореться.

Мать об этих обстоятельствах до сих пор, оказывается, ничего не слышала – Юрий не делился с ней собственными заботами – и была просто поражена. И заметно, что искренне.

Короче говоря, Грязнов был теперь убежден, что «семейная версия» в расследовании может благополучно почить в бозе. И уже больше не возникать. И вовсе не надо было становиться великим психологом, чтобы задумываться о «преждевременной ясности».

Покидал Грязнов оказавшийся неожиданно гостеприимным дом, полагая, что ненадолго. Татьяна, естественно, уже успела поведать ему с печальной шутливой интонацией, как нелегко бывает ей в те долгие часы, когда дети заняты – кто в институте, кто на работе – и она в доме остается совершенно одна – ни друзей, ни подруг – так вот обернулась судьба. Вячеслав Иванович с благодарностью принял этот намек как предложение ему разделить это женское одиночество. Но единственное, о чем она попросила его серьезно, – это не приходить, а если это не удастся, то хотя бы не смотреть на нее во время похорон Порубова, где ей придется наверняка присутствовать в одной из главных, к сожалению, ролей – безутешной вдовы. Формально ж они не были разведены.

И Вячеслав Иванович понял ее осторожность – она могла ненароком выдать себя.

Грязнов пообещал, да он и сам не собирался ехать на похороны. Пусть теперь там поработают ребятки, пусть понаблюдают.

А садясь за руль, уже с хитрой улыбкой подумал о том, что если бы очень сильно захотел, то наверняка смог бы даже и украсть эту женщину на сегодняшнюю ночь – умаслить, придумать тысячи веских причин, наговорить с три короба, и она бы здорово украсила его просторное жилище, широкое и жесткое ложе в котором показалось бы им обоим мягчайшей из перин.

Но... не следовало усложнять ей и без того нелегкую жизнь, не надо было даже малым намеком унижать перед детьми. А то они, отвечая на вопросы генерала, как он заметил, все же с легким недоумением поглядывали на мать, видимо, не в силах понять причины разительной перемены в ее настроении. Поэтому надо ей дать время опомниться, покончить со всеми траурными церемониями, вернуться к нормальному состоянию духа, а затем заново оценить и себя, и свои новые возможности. И вот тогда придет пора и ночных ее «побегов», и вообще любых поводов и способов «оторваться по полной программе», ибо потенциально – тоже интуитивно ощутил Грязнов – она, физически здоровая и телесно совершенная женщина, давно уже изголодалась по этому неведомому ей или, возможно, позабытому образу жизни.

5

Джичоева Турецкому удалось найти в Махачкале.

Густой мужской голос спросил по телефону, кто интересуется Эдуардом Алиевичем. Александр Борисович представился «по полной программе». В Махачкале повисла озабоченная тишина, но потом тот же голос сообщил – уже мягче, – что Эдуард Алиевич сейчас отдыхает, но его разбудят, и он подойдет к трубке.

Это хорошо, подумал Турецкий, что он звонил по нормальному телефону, а не с мобильного. Никакой зарплаты не хватит. А ему всего и надо было лишь узнать, когда может быть в Москве господин Джичоев, чтобы встретиться со следователем из Генеральной прокуратуры. Потому что в противном случае в Дагестан придется специально отряжать человека, который мог бы допросить на месте владельца компании «Анализ» в качестве свидетеля. А заодно выяснить, какого рода конфликт в руководстве компании мог бы стать поводом для убийства ее начальника службы безопасности.

Все это, но в мягкой и почти доверительной форме и изложил Турецкий самому Эдуарду Алиевичу, когда тот взял наконец трубку. Александр Борисович понимал, что «кавказскому человеку», да еще со сна, решительный и независимый тон может сразу не понравиться. Одно дело, если бы разговор происходил в Москве, но, когда он у себя дома, на Кавказе, лучше поначалу повести себя с ним предупредительно, для жесткости всегда найдется время и повод.

И – как в воду глядел. Джичоев заговорил так, будто делает одолжение Генеральной прокуратуре.

Да, он что-то слышал по поводу смерти генерала. Но так как в последние недели совершенно отошел от дел фирмы – интересно, когда он подходил к ним вообще? – то, естественно, и переключил свое внимание на другие, более важные для него в данный момент дела. И вместо того чтобы отвечать на вопросы, он начал расспрашивать, что ж произошло на самом деле? Действительно ли застрелили? Какие версии имеются на этот счет у следствия? Кто конкретно занимается расследованием? Ну и так далее.

Турецкий проявлял фантастическое терпение, надеясь, что в речах Джичоева хоть нечаянно прорвется нечто, что позволит сделать хоть какие-то выводы относительно конфликтов в компании, результатом чего и явилась эта разборка. Но ничего интересного не было. Джичоев уверял, что он сам, владея контрольным пакетом акций компании, фактически только числится ее хозяином, в то время как ею управляет второй соучредитель, господин Барканов. Он же и ставит в известность истинного владельца о планах и делах фирмы – информирует, одним словом, не больше.

Возникал вопрос: как же мог сенатор, которому по закону-то фирма могла принадлежать, но заниматься делами которой он просто не имел права, тем не менее руководил ею?

– Слушай, дорогой, – попросту, как соседу в застолье, сказал Джичоев, – кто тебе там, в Москве, сказал, что нельзя? Это когда денег нет – тогда действительно, наверное, нельзя. А когда есть, и много, все можно, уважаемый! Там у нас, – он в первый раз назвал компанию,

говоря о ней «у нас», – один умный человек есть, Олейник фамилия. Если что надо узнать, у него спроси, он про все в курсе. А про генерала что тебе скажу? У него, я слышал, баба молодая была. Очень может быть, что в ней причина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.